

Р.Ф. ШТИЛЬМАРК

ЗАПОВЕДНОЕ ДЕЛО РОССИИ:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА,
ИСТОРИЯ
Избранные труды

МОСКВА 2014

Феликс Штильмарк

Заповедное дело Россиию
Теория, практика, история

«Товарищество научных изданий КМК»

2014

ББК 28.088лб

Штильмарк Ф. Р.

Заповедное дело Россиию Теория, практика, история /
Ф. Р. Штильмарк — «Товарищество научных изданий КМК»,
2014

ISBN 978-5-9905832-0-7

Феликс Робертович Штильмарк обосновал научные принципы заповедания, дал чёткое определение заповедности, создав таким образом теорию заповедного дела. В опубликованных работах представлены: наука и практика заповедного дела, биосферные, туристические и другие формы деятельности в заповедниках разных природных зон. Таким образом, охвачены чуть ли не все вопросы устройства и деятельности заповедников и их систем. Теоретические статьи представлены в книге в хронологической последовательности. Приведен полный список печатных работ Ф. Р. Штильмарка, основные даты жизни и деятельности. Фотографии – из его архива. Для широкого круга профессионалов-экологов, специалистов природоохранного дела, студентов и натуралистов.

ББК 28.088лб

ISBN 978-5-9905832-0-7

© Штильмарк Ф. Р., 2014
© Товарищество научных изданий
КМК, 2014

Содержание

Введение	6
1. Теория заповедного дела	10
1.1. Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты)*	10
1.2. Принципы заповедности и развитие системы биосферных заповедников[13]	21
1.3. Проблемы оптимального размещения заповедных территорий в РСФСР[15]	24
1.4. О концепциях особо охраняемых природных территорий и принципе заповедности[16]	26
1.5. Проблема «заповедники и туризм»[17]	30
1.6. Заповедники, экологическое просвещение и экотуризм (Размышления по поводу нескольких газетных публикаций)[18]	32
1.7. Трансформация понятий и трактовок о заповедности в XX веке[19]	36
1.8. Природные заповедники России как социально-общественный феномен[20]	38
1.9. Абсолютная заповедность – последний оплот реальной охраны дикой природы[21]	44
1.10. Сочетание научных и морально-этических аспектов в заповедном деле[22]	46
1.11. Понятие абсолютной заповедности... юридически почти утрачено[24]	49
1.12. «Помни праотцев – заповедного не тронь!» (К продолжению давнего спора о проблемах заповедного дела)[25]	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Феликс Штильмарк
**Заповедное дело России: теория,
практика, история. Избранные труды**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова

Программа фундаментальных исследований Президиума РАН

“Живая природа: современное состояние и проблемы развития”

Благотворительный фонд “Центр охраны дикой природы”

© Ф.Р. Штильмарк (наследники), 2014.

© Благотворительный фонд “Центр охраны дикой природы”, 2014

© ИПЭЭ РАН, 2014.

© ООО “КМК”, издание, 2014.

Введение

Заповедное дело России второй половины XX века неразрывно связано с именем Ф.Р. Штильмарка.

Основываясь на положениях отечественных учёных, посвятивших свои жизни делу охраны природы и почти забытых к началу 50-х гг., Феликс Робертович обосновал научные принципы заповедания, дал чёткое определение заповедности, создал таким образом теорию заповедного дела, скромно подчёркивая при этом, что он только продолжает дело своих великих предшественников, почти не привнося ничего нового. Действительно, заслуга его велика в том, что, тщательно изучая архивы, он возродил наше заповедное дело и дал ему новое развитие.

Подробнее о теории: наука, биосферные, туризм и др. несвойственные формы деятельности, заповедники в разных природных зонах. Таким образом, охвачены чуть ли не все вопросы устройства и деятельности заповедников и их систем.

Внёс он и огромный практический вклад. Его энергия, неравнодушие, накопленные знания, умение общаться с людьми содействовали восстановлению некоторых заповедников, уничтоженных в 1951 г., созданию новых в различных ландшафтных зонах. Можно смело утверждать, что около 20 заповедников возникли только благодаря его личным усилиям. «... Предложение о создании нового заповедника или даже его научное обоснование – лишь самый первый этап, за которым должна следовать большая организационная работа: необходимо обследовать территорию проектируемого заповедника – выявить предполагаемые границы, уточнить современное состояние наиболее ценных природных объектов, оценить реальные возможности и пути их охраны в настоящем и будущем. Далее предстоит рассчитать, какие средства необходимы для работы заповедника, каким будет его штат, где разместятся центральная усадьба и кордоны, как будет обеспечена охрана лесов от пожаров. Но самое сложное – юридическое оформление, составление землеустроительного дела. Необходимо собрать отзывы и заключения всех ведомств и организаций, заинтересованных в каком-либо хозяйственном использовании намечаемой под заповедник территории, провести серию специальных совещаний, на которых обсуждаются все эти вопросы, подготовить детальные картографические материалы. Соединенные вместе в один или несколько увесистых томов, все эти

бумаги и документы представляют собой проект организации нового заповедника...» (из дневника Ф.Р.).

Феликс Робертович участвовал во всех этапах создания каждого нового заповедника, непременно сам обследовал территории, предназначенные для заповедания.

Создавались заповедники согласно «Генеральной схеме рационального размещения на территории РСФСР государственных заповедников, заказников, лесохозяйственных, охотничьих и промысловых хозяйств на период до 1990 года» (утверждена Госпланом РСФСР 2 ноября 1979 г. и внесена в государственный план развития народного хозяйства). Эта сложная и трудоёмкая работа (создание схемы по заданию Госплана) тоже благодаря активному личному участию Ф. Р. Штильмарка была выполнена за очень короткий срок, получила высокую оценку специалистов, удостоена наград ВДНХ СССР. Более половины из намечаемых вариантов, к сожалению, не осуществлены, остались только на бумаге, тем не менее к концу 2000 г. в Российской Федерации было 100 природных заповедников, суммарная площадь заповедных территорий составляла 33,5 млн. га – около 2 % всей территории страны (на 1 января 1952 г. их оставалось 20 с общей площадью – 802, 5 тыс. га).

Опубликованные Ф. Р. Штильмарком «Практические руководства по проектированию заповедников» получили признание среди специалистов.

Как научный редактор книги американского историка Д. Уинера «Экология в советской России – архипелаг свободы: заповедники и охрана природы» (М.: Прогресс, 1991) Ф.Р. Штильмарк получил известность и за рубежом. Правда, и до этого некоторые его теоретические работы были опубликованы на английском языке в научных журналах США и Англии. Оказывая Д. Уинеру конкретную помощь в подготовке его книги, Феликс Робертович ощущал немалую горечь оттого, что историей нашей охраны природы занимается иностранный учёный – сможет ли он понять всю сложность российской действительности? – «...как высокая идея заповедания с научными целями была искажена социалистической государственной системой и разного рода «прометейцами», осуществлявшими конкретные задачи материалистического плана, превратившими подлинное заповедание в «заповедное хозяйство» или в советское научно-исследовательское учреждение низшего разряда» (из книги Ф.Р. Штильмарка «Историография...», с. 311).

Начавшаяся в стране «перестройка», отменившая строжайшую цензуру (прежние непременные требования редакций – убрать все негативные высказывания по поводу использования или охраны природы), вдохновила Феликса Робертовича на создание собственной книги об истории наших заповедников. Российское представительство Фонда Макартуров оказало финансовую поддержку, началась серьёзная, кропотливая работа, и в 1996 г. книга «Историография российских заповедников (1895–1995)» увидела свет. Позднее она была представлена как докторская диссертация. Автореферат, написанный на её основе, назывался «Анализ эволюции системы государственных заповедников Российской Федерации».

Таким образом, Ф.Р. Штильмарк как учёный предстаёт в трёх ипостасях – теоретик, практик и историк заповедного дела нашей страны. Соответственно из трех разделов состоит и предлагаемый читателям сборник «Избранных трудов Ф.Р. Штильмарка».

На трудовой путь Феликс Робертович вступил очень рано. Потеряв мать (умерла в 1944 г.) и отца (арестован сразу после войны и осужден по пресловутой статье 58–10 на 10 лет лагерей), он был вынужден бросить школу и искать средства для выживания. На всю жизнь он сохранил священную благодарность Александру Николаевичу Дружинину – зав. Отделением сравнительной анатомии Зоомузея МГУ (познакомили с ним друзья матери), который принял живое участие в судьбе голодного бездомного мальчика, поддержал его морально, устроил в Зоомузей помощником таксидермиста. С тех самых школьных (без школы) лет началось образование и воспитание Феликса – ему довелось общаться с выдающимися учёными-зоологами – С.И. Огнёвым, В.Г. Гептнером, А.Н. Формозовым, Г.П. Дементьевым. Именно их он счи-

тал своими учителями, хотя и среди преподавателей Московского пушно-мехового института, который он окончил в 1956 г., было немало достойных людей.

Позднее, будучи научным сотрудником Института леса СО АН СССР (с 1959 г. работал в Красноярске, куда был переведён Институт из Москвы) и занимаясь чисто зоологическими исследованиями, он с болью и тревогой наблюдал, как нещадно вырубались кедровые леса, как загрязняются чистейшие горные реки молевым сплавом, сколько гибнет всего живого при массовых обработках полей и лесов ядохимикатами и т. д. И уже тогда ясно осознал, что гораздо важнее уберечь участки кедровника, намеченные к вырубке, чем изучать в них состав мышевидных грызунов. С этого времени фактически и стал он причастен заповедному делу.

В 1964–1967 гг., работая в Комсомольском заповеднике (на Амуре), он немало сделал как просветитель – проводил бесконечные встречи с жителями города Комсомольска, выступал с лекциями и докладами об охране природы края, о той роли, которую играет в этом благородном деле вновь созданный заповедник (на месте бывшего лесничества и лагеря политзаключенных).

Со времени работы в этом заповеднике Феликс Робертович стал заниматься и теоретическими вопросами заповедного дела. Он горячо поддержал классические принципы заповедания, разработанные Г.А. Кожевниковым, В.В. Докучаевым, А.П. Семеновым-Тян-Шанским и др., то есть создание заповедников и как строго охраняемых территорий, и как научных учреждений, цель которых проводить долгосрочные исследования природных процессов на этих охраняемых участках. Но постепенное извращение этих принципов, внесение разных коррективов (деление заповедников на категории, применение регуляционных и биотехнических мероприятий на заповедных территориях, частичное их хозяйственное использование, научные исследования, нарушающие строгую охрану, и т. д.) показало, что тот высший духовный принцип, на котором базируется классическое заповедание, не может устоять перед натиском материального, потребительского отношения к природе. Чтобы как-то противостоять этому, Феликс Робертович все чаще и настойчивее говорил о необходимости **строгой** заповедности, полного прекращения прямого воздействия человека на заповедные природные комплексы. Он понимал, что **абсолютная** заповедность на Земле, населенной людьми с их «постоянно растущими материальными потребностями», невозможна. И тем не менее именно в ней видел «последний оплот» реальной охраны дикой природы, призывал к ней как к идеалу, к которому должно стремиться человечество, если оно хочет остаться на Земле. В одной из своих работ он приводит мнение академика Н.Н. Моисеева, который считал, что возможности нынешней цивилизации исчерпаны: или она исчезнет, или произойдут коренные изменения не только технологического, но и – что гораздо важнее – нравственного порядка. Должно произойти коренное изменение взаимоотношений между людьми и природой. И то, что нынче выглядит идеалистической утопией, завтра может оказаться вполне естественным и единственно верным.

К практике заповедного дела Феликс Робертович приступил с 1969 г., когда, работая в отделе учётов охотничьих животных ЦНИЛ Главохоты РСФСР и выбрав в качестве модели север Тюменской области (Ханты-Мансийский национальный округ), оказался на территории бывшего (закрытого в 1951 г.) Кондо-Сосвинского заповедника. Обнаружив в старом сарае брошенный архив заповедника, а среди бумаг – полусгнившие рукописи зоолога В.В. Раевского, он решил во что бы то ни стало спасти эти рукописи (а значит, возродить память о замечательном натуралисте, умершем здесь), и восстановить заповедник. С этого момента все учетные, зоологические, охотоведческие работы отошли на задний план. Вернувшись в Москву, он добился своего перевода в ЦНИЛе из отдела учетов в отдел заповедников и занялся проектированием заповедников уже профессионально.

С 1969 по 1976 г., преодолевая и физические, и моральные трудности (непонимание коллег-учёных, нежелание местных властей отдавать лакомые кусочки в этом нефтегазоносном крае, нередко прямые издевательства разных чиновников на местах), он добивался восстанов-

ления Кондо-Сосвинского заповедника. В конце-концов заповедник был создан, правда на значительно меньшей площади и под другим названием («Малая Сосьва»).

К сожалению, семилетняя эпопея создания этого заповедника самим Феликсом Робертовичем не написана, лишь частично упоминается в книге «На службе природе и науке (Документальная повесть о Кондо-Сосвинском боброво-соболином заповеднике и о людях, которые там работали. – М.: «Логата», 2002). Но о ней свидетельствуют его многочисленные письма, дневники. Вполне возможно, что по этим документам правдивая история создания заповедника «Малая Сосьва» будет все-таки написана.

Зато история создания Таймырского заповедника подробно им изложена в книге «Свидание с Таймыром» (Красноярск, 1979). Проектирование этого заповедника не столь типично, как восстановление «Малой Сосьвы» (здесь больше приходилось «воевать» с учеными-коллегами, чем с бюрократами-чиновниками) и изложено в научно-популярном стиле, но весь процесс отражен очень точно, емко и красочно. Надо сказать, что Феликс Робертович был и замечательным литератором – журналистом, писателем. Язык его не только безупречно чётко и грамотно, но и очень живой, выразительный. Он – автор научно-художественных книг «Таёжные дали», «Лукоморье – где оно?» и др. Но и все его научные работы читаются легко, с интересом – как хорошие литературные произведения. Будучи научным сотрудником Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова до конца своих земных дней, защитив в стенах этого института докторскую диссертацию, Феликс Робертович стал составителем и ответственным редактором двухтомника «Заповедники Сибири», изданием которого была завершена десятитомная серия «Заповедники СССР» (России).

Он планировал также продолжить «Историографию» заповедников, взяв для анализа последующие (после 1995 г.) десять лет. Но человек, отдавший все силы делу охраны природы, не мог быть простым регистратором фактов, тем более что эти факты свидетельствовали о нынешнем катастрофическом состоянии заповедного дела. Его жизненная позиция требовала вмешательства, а для этого надо было много сил и здоровья. Именно поэтому Феликс Робертович согласился на сердечную операцию, которая, по мнению врачей, могла бы вернуть его к прежней активной жизни. Но судьбе угодно было распорядиться по-другому...

Сохранился большой архив – дневники, которые он вёл в течение всей жизни и при любых обстоятельствах, переписка с самыми разными людьми, многочисленные очерки о личностях, оставивших немалый след в истории охраны природы.

За две недели до операции он завершил автобиографическую книгу, изданную уже посмертно – «Отчёт о прожитом (записки эколога-охотоведа)» (М.: Логата, 2006. 528 с.)

Ученики и последователи Феликса Робертовича считают, что он был совестью нашего заповедного дела, постоянно возвращая нас к классическим принципам заповедности. «Мы должны с благодарностью принять от предыдущих поколений всё то, что они сохранили для нас, сберечь всё это и передать поколению последующему» – этим нравственным принципом, который является основой продолжения жизни на Земле, всегда руководствовался Феликс Робертович. Этот же принцип должен стать девизом планируемых «Чтений памяти Ф.Р. Штильмарка».

Теоретические статьи представлены в книге в хронологической последовательности. Приведен полный список печатных работ Ф. Р. Штильмарка, основные даты жизни и деятельности. Фотографии – из его архива.

Составители искренне благодарны Н.А. Формозову, И.В. Третьяковой.

1. Теория заповедного дела

1.1. Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты)*

“Роль заповедников как неприкосновенных территорий, сохраняющих человечеству и его будущим поколениям животный и растительный мир, очевидна и бесспорна¹.

Чл. – корр. АН СССР Г.Я. Бей-Биенко

Последние годы характеризуются определенным подъемом заповедного дела в нашей стране². Несколько ускорились темпы развития сети заповедников (в 10-й пятилетке в СССР создано около 30 заповедников и общее их количество переросло показатель 1951 г., когда перед реорганизацией их было 120).

На 1 июля 1980 г. в стране было 128 заповедников, семь заповедно-охотничьих хозяйств и шесть национальных парков. В 1977–1979 гг. опубликовано несколько научных монографий и сборников, посвященных заповедникам (Куражковский, 1977; Реймерс, Штильмарк, 1978; Опыт работы и задачи заповедников СССР, 1979; и др.). В 1979 г. впервые в стране создан Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны природы и заповедного дела МСХ СССР. Особое значение имеет постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов», которым предусмотрена разработка типовых положений о заповедниках и других особо охраняемых природных территориях (газ. «Правда», 6 января 1979 г).

Тем не менее сохраняются многие трудности в работе действующих заповедников и на пути их развития. Это прежде всего структурная и организационная неупорядоченность, отсутствие единых, устоявшихся взглядов на задачи и цели заповедников, различные и порой противоречивые представления о заповедном режиме, даже о самом термине «заповедность». Действующее законодательство содержит определение заповедника как территории, изъятой из хозяйственного использования в научных или культурно-просветительных целях, но даже в специальной литературе понятие заповедности трактуется весьма широко. Так, например, специалист в области природоохранного права В.Г. Емельянова пишет в специальном пособии: *«Заповедание природы производится у нас в различных формах (заповедники, заказники, памятники природы). В интересах охраны природы и организации отдыха трудящихся предполагается создать в нашей стране сеть таких заповедных территорий, как национальные парки»* (Емельянова, 1971, с. 4). О.К. Гусев (1969) также намечает несколько форм заповедания территорий, в том числе такие, как *«заповедники – акклиматизационные парки»* и *«заповедники – национальные парки»*, т. е. предназначенные для непосредственного хозяйственного использования. В недавно изданном учебном пособии по охране природы для студентов (Гусев, Петров, 1979) под *«заповедной охраной природы»*, *«заповедным режимом охраны природы»* подразумеваются различные формы ограничения воздействия человека на природу (заказники, зеленые зоны, курорты и т. д.). *«Степень заповедности, – пишут авторы, – устанавливается законодательством в зависимости от формы, избранной для природного комплекса. Так, для заповедников установлен полный запрет на все виды деятельности... Заказники имеют*

¹ Географическое размещение заповедников в РСФСР и организация их деятельности. М., 1981. С. 60–76.

² Термин «заповедное дело» получил распространение начиная с середины 50-х годов, чему способствовало, в частности, издание бюллетеня «Охрана природы и заповедное дело в СССР» (АН СССР, 1956–1960 гг.).

запрет на эксплуатацию одного или нескольких объектов природы... Национальные, природные парки, лесопарки, курорты сочетают в своем режиме хозяйственные запреты с разрешением использования среды для отдыха, экскурсий, туризма» (Гусев, Петров, 1979, с. 30–31).

Столь же широкая трактовка термина заповедности была вложена в понятие о «природно-заповедном фонде» (Рашек, 1975), получившее широкое распространение³. Согласно этим представлениям, в особый фонд выделяются не территории (земли), а объекты. В официально утвержденном республиканском стандарте Украинской ССР устанавливается разделение «заповедных объектов» по всем «заповедным категориям»: заповедники, заказники, заповедно-охотничьи хозяйства, природные парки, памятники природы и парки – памятники садово-паркового искусства («Порядок согласования, утверждения и государственной регистрации заповедных объектов». РСТ УССР 1974-76, Киев, 1977). В соответствии с такой классификацией на карте «Природные заповедные объекты Украинской ССР» (М., 1977) указано свыше 3100 «заповедных объектов», хотя фактически на Украине имеются лишь 10 небольших заповедников и 4 заповедно-охотничьих хозяйства.

Принятый в 1976 г. Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» установил возможность учреждения историко-культурных заповедников, что не учитывается природоохранным законодательством, понимающим под заповедниками лишь природные объекты⁴. Все это приводит к смешению понятий, вольному обращению с терминологией, нивелирует представления о природоохранных объектах разного режима и в конечном счете грозит полной деградацией самого понятия заповедности.

С нашей точки зрения (Реймерс, Штильмарк, 1978), термин «заповедность» или «заповедный» (объект, режим, территория и т. д.) несет на себе весьма высокую и ответственную нагрузку и не может использоваться столь широко и произвольно, как это принято в настоящее время.

Заповедность означает прежде всего прекращение всех видов и форм утилитарного хозяйственного использования территории, включая пребывание людей, за исключением сугубо научных целей⁵. Заповедность обеспечивается специальными законодательными и правовыми мерами, она неизбежно связана с изъятием и отводом земель, без чего невозможно даже представить себе никаких «заповедных объектов». Поэтому совершенно неправомерно отнесение к «заповедным территориям» заказников, национальных и природных парков (не говоря уже о лесопарках и курортах), памятников природы, всевозможных музеев в природе и т. д. Все это может быть отнесено к разновидностям охраняемых, но не заповедных природных территорий. Грозящая утрата истинного смысла термина «заповедность» заставляет нас обратиться к историческому и литературному анализу, чтобы более обстоятельно аргументировать эту точку зрения.

Как известно, одним из первых инициаторов создания наших заповедников был профессор В.В. Докучаев (Докучаев, 1895; см. также Насимович, 1974, 1979; и др.).

Известнейший почвовед, работавший непосредственно над практическими нуждами земледелия, ставил вопрос не только об освоении и преобразовании целинных степей, но и о заповедании степных участков. *«Вековой опыт народов и государств и простой, но здравый смысл... свидетельствуют, что только то прочно и устойчиво, только то и жизненно, только то и имеет будущее, что сделано в согласии с природой»* (Докучаев, 1895). Ученый призывал сохранить оригинальный степной мир для потомства не только с познавательными

³ Хотя проект Союзного Положения «О природно-заповедном фонде» не был принят, некоторые республики, например, Киргизская ССР ввели это понятие в республиканское законодательство.

⁴ При разработке типовых положений комиссией АН СССР рассматривались только природные заповедники, хотя в тексте постановления правительства говорится о «государственных заповедниках».

⁵ Это относится, конечно, к природным, а не к историко-культурным заповедникам, «заповедность» которых весьма условна.

целями или ради спасения редких животных, но «для понимания степи», «для овладения ее силами», т. е. и с научными, и с практическими целями. С большой горечью приходится констатировать, что этот призыв остался, по сути, не воплощенным в жизнь – во всяком случае, на территории РСФСР степных заповедников не имеется⁶.

Идея сбережения именно девственных, не тронутых человеком участков с тем, чтобы проводить научные наблюдения вне сферы хозяйственной деятельности, явилась краеугольным камнем нашего заповедного дела. Именно отсюда возник принцип невмешательства, особенно четко сформулированный в начале XX века проф. Г.А. Кожевниковым. «Участки эти должны быть заповедными в самом строгом смысле слова... Всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование, здесь недопустимы... Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природе самой себе и наблюдать результаты» (Кожевников, 1909). Несколько позднее им же было введено в науку понятие о заповедниках как эталонах природы, «которых не будет касаться рука человека» (Кожевников, 1928).

Принцип неприкосновенности заповедных участков получил конкретное юридическое воплощение в широко известном ленинском декрете СНК от 16.09.1921 г. «Об охране памятников природы, садов и парков». Именно в то время сложилось представление о заповедании как ограждении природных участков «от всякого вмешательства в жизнь природы со стороны человека» (Подъяпольский, 1929). Еще более четко сформулировано понятие заповедности в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 5 октября 1921 г. «Об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное или культурно-историческое значение» («Декреты...», 1929). «Участки природы... представляющие особую научную или культурно-историческую ценность, подлежат охране или с ограничением их использования, или с оставлением в неприкосновенном виде. С этой целью им может быть присвоена заповедность». Именно последняя формулировка определяет сущность заповедности: заповедано то, что оставлено в неприкосновенности.

В первом типовом положении о заповедниках, состоящих в ведении Наркомпроса («Декреты...», 1929), статья 1 давала вполне четкое определение заповедников. «Заповедниками признаются участки земельной или водной площади, которые навсегда подлежат оставлению в неприкосновенном виде... Вследствие этого естественное состояние полного заповедника не может быть нарушаемо воздействием человека на природу».

В 1930 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране и развитии природных богатств РСФСР» (журн. «Охрана природы», 1930, № 6, с. 150–152) задачи заповедников были несколько изменены, однако формулировка об их неприкосновенности сохранилась («Заповедниками называются участки природы или отдельные ее произведения, объявляемые неприкосновенными» – статья 5). Но это было последнее упоминание в официальных документах о неприкосновенности заповедников от вмешательства человека. Этот принцип вскоре был подвергнут резкой критике и фактически предан забвению (Макаров, 1935; и др.). «Прежний взгляд на заповедники как на неприкосновенные участки никто не будет отстаивать как практически ложный и политически вредный», – писал Е.Л. Марков (1934, с. 134).

Увлечение реконструкцией и преобразованием фауны, использованием заповедников как мест для акклиматизационных экспериментов и дичеразведения сейчас рассматривается как отход от научных принципов заповедного дела (Насимович, 1974, 1979; Филонов, 1975, 1977; и др.). Однако «преобразовательская» позиция оказала заметное влияние, последствия ее сказываются до настоящего времени. Следует сказать, что ее разделяли не только практики, но и некоторые видные ученые. Так, например, проф. И.И. Барабаш-Никифоров и А.Н. Фор-

⁶ Разработанный в 1979 г. проект степного заповедника в Ростовской области признан Ростовским облисполкомом «преждевременным» (Зыков, Нухимовская, Штильмарк, 1981). – добавить от редакции о современных степных заповедниках.

мозов в учебном пособии «Териология» (1963) писали о том, что в заповедниках так же, как и в охотничьих хозяйствах, намечаются и проверяются *«пути направленного воздействия на млекопитающих»* путем применения различных биотехнических мероприятий: закладки солонцов, развесок гнездовых и т. д.

В период деятельности специальных ведомств по управлению заповедниками РСФСР (1933–1951 гг.) официальные положения о заповедниках были приняты в 1933, 1940 и 1944 гг. В этих документах заповедниками признавались *«определенные, имеющие особую хозяйственную, научную и культурную ценность участки природы, хозяйственное использование которых запрещается или ограничивается в целях сохранения от грозящей порчи или уничтожения»* (Макаров, 1940). Круг задач заповедников заметно расширился, среди них указывалась необходимость выявления новых сырьевых ресурсов, проведения учетных и акклиматизационных работ, организации туризма. С разрешения Главного управления допускалось пользование природными ресурсами заповедника – сбор грибов и ягод, ловля рыбы, широко практиковался отстрел и отлов животных для научных коллекций. Именно в этот период в заповедниках сложилась ситуация, при которой им вменялись в обязанности взаимоисключающие задачи. В заповедниках по-прежнему запрещалось нарушение естественного состояния природных комплексов, но вместе с тем главной их задачей ставилось увеличение численности полезных животных, количественное и качественное обогащение территории заповедников новыми представителями фауны и растительности путем завоза *«как из других мест СССР, так и чужеземных»* (Макаров, 1940, с. 6).

Именно в этот период возникло и развилось представление о *«заповедном хозяйстве»* (Архипов, 1938; Макаров, 1940; и др.). Сюда вкладывались понятия об управлении заповедными объектами, соотношении элементов *«заповедного фонда»*, режиме заповедности, управлении деятельностью заповедника и т. д.

По мнению С.С. Архипова, заповедники призваны выполнять активную народнохозяйственную функцию, не имеющую ничего общего с *«созерцательным»* отношением к заповедному фонду. Конечно, это в принципе верно, и заповедание вовсе не исключает важных народнохозяйственных функций охраняемых участков, но нельзя совмещать несовместимое – заповедники и хозяйство. Против установок на активное воздействие и преобразование природных комплексов заповедников выступали такие видные ученые, как В.В. Алехин, В.Н. Сукачев, В.Г. Гептнер, Н.А. Прозоровский, В.Н. Скалон и др., но их обвиняли в поддержке *«фетиша неприкосновенности»*, *«созерцательности»*, *«пассивности»*, попытке противодействовать решению злободневных хозяйственных задач и т. д.

Реорганизация заповедного дела, предпринятая в 1950–1951 гг., явилась прямым следствием и развитием такого направления. При этом ранее выступавший против *«фетиша неприкосновенности»* В.Н. Макаров выглядел уже сам как сторонник этого принципа. Сменивший в 1950 г. К.М. Шведчикова на посту начальника Главного управления по заповедникам при Совете Министров РСФСР лесовод А.В. Малиновский был ярким поборником преобразовательско-хозяйственных тенденций. *«Требуется решительный переход от заповедности вообще к заповедному хозяйству... Нужно хозяйничать, а не просто наблюдать»*, – говорил он, в частности, на заседании Научного совета главка 21 мая 1951 г.⁷ Повестка дня включала обсуждение принципов заповедности и заповедного хозяйства. Один из членов Совета, проф. П.А. Мантейфель, говорил, что обычно под заповедностью понимают невмешательство в природу, но замена этого представления *«заповедным хозяйством»* позволяет *«упростить те споры, которые всегда возникают при вопросе о том, как должны работать заповедники»*⁸. Само понятие заповедности отстало от жизни, природу надо переделывать, а не оберегать от воз-

⁷ ЦГА РСФСР. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 1036. Л. 6.

⁸ Там же.

действия человека – таково (безусловно, в духе времени) было заключение Совета. В резолюции предлагалось «пересмотреть положение о заповедниках в сторону ведения сознательного активного хозяйства»⁹.

А.В. Малиновский в своих многочисленных выступлениях того времени неоднократно выдвигал правильный в принципе довод о том, что охрана природы осуществляется в нашей стране всей системой народного хозяйства, однако нельзя согласиться с тем, будто бы из этого вытекает возможность отказа от государственных и общественных органов по охране природы (в свое время А.В. Малиновский настаивал на ликвидации Всероссийского общества охраны природы, где возглавляет теперь секцию охраны леса).

Многие авторы, так же как и А.В. Малиновский, отмечают, что людям надо хозяйствовать на земле, а не просто наблюдать, что «жить – значит преобразовывать» (Гусев, 1975) и т. п. Но такие представления требуют оговорок – они не касаются именно заповедников, поскольку на этих относительно ничтожных по размеру участках «хозяйничать» должна только природа, а не люди, в распоряжении которых остается достаточное количество земель, помимо заповедных. Однако и А.В. Малиновский (1953), и другие авторы, неизменно ссылающиеся на принцип единства охраны и рационального использования природных ресурсов, не учитывают одного первостепенного момента: даже верные принципы не сразу воплощаются в жизнь. Охрана природы, безусловно, осуществляется в процессе ее использования, но отнюдь не всегда это может происходить само собой, и государству приходится прибегать к определенным мерам принуждения, чтобы обеспечить сбережение природных ресурсов, предотвратить их уничтожение, преодолеть объективные противоречия между товарным производством и охраной природы ради более отвлеченных целей (в интересах будущих поколений). Если бы все было иначе, то в нашей стране давно не было бы ни браконьерства, о котором так много и часто сообщает печать, ни многих других правонарушений.

Охраняемые природные территории, в частности заповедники, как раз и являются одним из наглядных проявлений принудительных мер государства по охране природы. И нет ничего удивительного в том, что в период отказа от принципов подлинной заповедности, в момент замены ее «заповедным хозяйством» территории заповедников страны сократились почти в 10 раз, а количество их уменьшилось со 120 до 40. В 1952 г. было утверждено новое Положение «О государственных заповедниках СССР», которое может считаться действующим, хотя оно безусловно отстало от жизни и в большой мере не применяется на практике. В этом документе заповедниками признавались участки земли, имеющие особую ценность, природные богатства которых используются для научно-исследовательской работы в практических интересах народного хозяйства.

Задачами заповедников являлись сохранение и обогащение флоры и фауны, изучение ценных в хозяйственном отношении видов животных и растений, охрана лесов и проведение лесохозяйственных мероприятий, содействие научным исследованиям, практике студентов и туризму. Заповедникам разрешалось регулирование численности животных, сбор плодов, ягод, грибов, ловля рыбы, заготовка семян и выделение земельных участков для своих нужд. Этот документ, направленный во все союзные республики, по существу, превратил заповедники в хозяйства особого типа. Не менее наглядным проявлением подобных тенденций явилось преобразование ряда старейших заповедников, в частности, Крымского, Азово-Сивашского и Беловежской пуши в заповедно-охотничьи хозяйства, получившие особое развитие в УССР. По своему нынешнему режиму их следует называть не «заповедно-охотничьими», а «лесоохотничьими» или «спецохотничьими» хозяйствами. Само по себе сочетание слов «заповедность» и «хозяйство» неправомерно даже юридически. Многочисленные попытки научной общественности вернуть заповедный статус этим хозяйствам успеха пока не имели.

⁹ Там же, Л. 118.

Результаты влияния хозяйственных тенденций в заповедниках еще не оценены в полной мере. Один из старейших специалистов отечественного заповедного дела, доктор географических наук А. А. Насимович характеризует их следующим образом: *«Регуляционные мероприятия почти во всех заповедниках, где они проводились или проводятся, были начаты чисто эмпирическим путем и до сих пор, как правило, не имеют под собой надежной научной базы в виде специальных исследований, обоснований и т. п.... Некоторые из этих мероприятий, как, например, отстрел различного рода копытных, рубки ухода и т. п., сильно скомпрометированы администрацией или даже главками заповедников, заинтересованными не столько в регуляции численности и ликвидации очагов размножения стволовых вредителей, сколько в получении мяса, деловой и другой древесины, устройстве охот для чиновников, переводе заповедников на частичную или полную самоокупаемость и т. п.»* (Насимович, 1974, с. 118). Не менее критически оценивает применение лесохозяйственных и лесопатологических мероприятий в заповедниках А.М. Краснитский (1975, 1979). Только для степных и некоторых луговых фитоценозов в заповедниках учеными в отдельных случаях признана необходимость периодического вмешательства (выкашивания) для поддержания динамики фитоценозов и предотвращения нежелательных сукцессий (Семенова-Тян-Шанская, 1977; Гребенщиков, 1979).

В конце 50-х гг. взгляды на заповедники заметно изменились в сторону признания их эталонами природы, а не экспериментальными «заповедными» хозяйствами. Этому, в частности, весьма содействовали республиканские законы об охране природы, где давались иные, более близкие к классическим, определения заповедности. Так, в Законе РСФСР «Об охране природы в РСФСР», принятом в 1960 г., говорилось, что территории государственных заповедников *«навечно изымаются из хозяйственного использования в научно-исследовательских и культурно-просветительных целях»* (ст. 9-я). Согласно «Основам земельного законодательства Союза ССР и союзных республик», утвержденным в 1968 году, *«всякая деятельность, нарушающая природные комплексы заповедников или угрожающая сохранению природных объектов, имеющих особую научную или культурную ценность, запрещается как на территории заповедников, так и в пределах устанавливаемых вокруг заповедников охранных зон»* (ст. 40-я).

Постановление Совета министров СССР от 10.06.1961 г. № 521 обязало Советы Министров союзных республик разработать и утвердить новые положения о государственных заповедниках. В 1962 г. Совет министров РСФСР утвердил ныне действующее «Положение о государственных заповедниках РСФСР, находящихся в ведении Главного управления охотничьего хозяйства, и заповедников при Совете министров РСФСР» («Сборник...», 1978). Этот документ значительно улучшен по сравнению с союзным «Положением» 1951 г. Однако, наряду с хорошими общими формулировками, соответствующими текстам законов об охране природы, в «Положении» заложен ряд пунктов, предопределяющих отход от классических понятий заповедности. Это – разрешение регуляции численности животных, проведение биотехнических и противопожарных мероприятий, санитарных рубок, борьбы с вредителями, уничтожение волков, содействие экскурсиям и туризму. Правда, в документе имеется специальный пункт о том, что в заповедниках могут выделяться участки, *«на территории которых исключается всякое вмешательство человека в природные процессы»* (ст. 11-я) – своего рода дань классикам! Однако тут же сделана оговорка о том, что в больших заповедниках общая площадь таких участков не должна превышать 10 % их территории. На практике в ряде заповедников стали выделяться зоны так называемой «абсолютной заповедности», а также зоны ограниченного заповедного режима и участки хозяйственного назначения.

Организационная неупорядоченность заповедников, большое число ведомств, ими управляющих, различие в толковании принципов заповедности усиливают противоречивость и разночтение тех или иных формулировок, включаемых в республиканские или ведомственные

положения о заповедниках¹⁰. Хотя союзное законодательство («Основы земельного законодательства») запрещает нарушение природных комплексов, однако не только из научной литературы, но даже из многочисленных газетных публикаций широко известно о порой массовых нарушениях заповедного режима. Такие явления, как пастьба скота, ловля рыбы, рубки леса, нерегулируемый туризм, охота, отнюдь не представляют редкости. Как пишет, например, газета «Лесная промышленность» в номере от 14 июня 1980 г., рубка леса в Полесском заповеднике (УССР) в несколько раз превышает уровень, допустимый для обычных лесхозов. Никакая научная работа там не ведется. Можно напомнить также выступление газеты «Правда» об отстреле зубров в Кавказском заповеднике¹¹. Таких примеров немало.

Даже непосредственно самим заповедникам в процессе научной или хозяйственной деятельности «случается» нарушать природные комплексы при проведении тех или иных мероприятий. Большие нарушения вносятся в природу заповедников при проведении лесоустройства, прокладке просек, дорог, трансектов, закладке пробных площадей. В ряде случаев есть основания говорить о том, что численность редких животных сокращается под влиянием факторов беспокойства, оказываемого непосредственно работниками заповедников. Исключений из режима заповедности порой так много, что трудно рассматривать их как исключения. Например, временное типовое положение о заповедниках системы МСХ СССР разрешает санитарные рубки, отловы животных для мечения и расселения, а также отстрел в научных целях, возведение построек, проведение топографических и геодезических работ, сенокосение, сбор грибов, орехов и ягод для личных нужд. В положении предусмотрена возможность выделения «участков особого режима», где исключается всякая деятельность человека, т. е. вводится собственно заповедность. Она рассматривается, видимо, как некий «особый режим».

Безусловно, имеются научные доводы против повсеместного слепого использования принципа невмешательства в заповедниках. Многие экологи, в частности Ю.А. Исаков, рассматривают его (данный принцип) как один из возможных факторов деградации природных комплексов в заповедниках. *«Принцип полного невмешательства в жизнь природных комплексов заповедников во многих случаях перестал оправдывать себя. Становится необходимым применение активных мер для управления природными комплексами, таких, как: регулирование численности диких копытных, сохранение исходного типа растительности целинных степей, природных комплексов речных дельт и т. д.»* (Криницкий, Митрюшкин, Исаков, 1976, с. 57). Иногда понятие об абсолютной заповедности рассматривается даже как *«мощный фактор вмешательства человека в природу»* (Козло, 1977). *«Человек в заповеднике не должен быть пассивным зрителем, пустившим на самотек развитие природных явлений»*, – пишет О.С. Гребенщиков (1979), отчасти переключаясь с тезисом А.В. Малиновского о том, что в заповедниках нужно активно хозяйствовать, а не просто наблюдать.

Экологов более всего тревожит возможность разрушения или обеднения наиболее ценных, с их точки зрения, природных комплексов и объектов, выпадение из ценозов редких видов, замена их нежелательными, но более активными «вселенцами» извне. Действительно, будучи в большинстве случаев лишь небольшими клочками весьма относительно сохраненной природы среди огромных преобразованных человеком пространств, заповедники, предоставленные сами себе, рискуют утратить не только качества эталонности, но и своей ценности как резерватов флоры и фауны. Реальность такой угрозы невозможно оспаривать, однако неверно, с нашей точки зрения, подменять понятие эталона природы признаками красоты и обилия.

¹⁰ Помимо вышеуказанного «Положения о заповедниках Главохоты РСФСР», утвержденного Советом министров РСФСР, имеются положения о заповедниках внутри отдельных ведомств (МСХ СССР, АН СССР и др.), а также индивидуальные положения о каждом отдельном заповеднике. Все это увеличивает противоречивость тех или иных формулировок и приложение их к отдельным заповедникам.

¹¹ Газета «Правда» от 13.12.1979 г.

Многие экологи не учитывают условность представлений о неприкосновенности заповедников. Они не могут быть уже ни при каких обстоятельствах и никакими усилиями изолированы от влияния деятельности человека, ставшей, как известно, реальной «геологической силой». Человек оказывает химическое, радиационное, промышленное воздействие на любые участки планеты. Многие виды загрязнения окружающей природной среды сказываются в глобальных масштабах и безусловно затрагивают заповедные участки, так же как и последствия крупных гидростроительных или мелиоративно-осушительных работ. Да и весь климат планеты сейчас испытывает антропогенное воздействие (Будыко, 1977; Никитин, Новиков, 1980; и др.).

Тем не менее прибегать к специальным вмешательствам в заповедниках сплошь и рядом означает (по образному выражению Н.Ф. Реймерса) «гнуть стрелку барометра в желаемую сторону». Суть и цель заповедности не в том, чтобы сохранить все богатства, все разнообразие живой природы (это цель всей системы особо охраняемых природных территорий), а прежде всего – в сохранении самой возможности сравнивать освоенные территории с нетронутыми. В ряде случаев, когда на чашу весов поставлена судьба уникальных объектов и грозит исчезновение невосполнимого природного фонда, возникает необходимость отказа от заповедности с допущением того или иного хозяйственного вмешательства, но тогда это будет уже не заповедник в классическом понимании, а иная категория охраняемых участков (резерват генофонда, заказник и т. д.). По существу, именно такой путь предлагается, например, в одной из последних работ А.А. Насимовича (1979) для Хоперского заповедника. В целях сохранения выхухולי рекомендуется, в частности, «разработка и осуществление инженерно-гидротехнических и других мероприятий», подобно тому, что планируется и делается сейчас в Астраханском заповеднике. Действительно, в условиях зарегулированной волжской дельты без специальных мер обречены на гибель ценнейшие гнездовья птиц, нерестилища рыбы и т. д. Невмешательство только ради принципа стоило бы обществу слишком больших потерь.

Но такие примеры нельзя возводить в правило и делать из них широкие заключения. Биологам порой трудно наблюдать и регистрировать превращения богатых прежде природных эталонов в разрушающиеся и беднеющие экосистемы («эталон деградации», как выразился на одном из совещаний В.В. Криницкий). Однако же в условиях глобальных антропогенных изменений именно такой может стать со временем одна из главных функций заповедников. Недопустимо и не нужно заменять правила исключениями. Заповедность присваивается для того, чтобы человек не вмешивался в ход природных процессов непосредственно на территории заповедника (отчасти – в пределах охранных зон). Оградить же заповедники от всякого вмешательства, конечно, невозможно. К тому же влияние чисто природных и антропогенных факторов нередко выражается совместно. Каспий мелеет и сам по себе, и под влиянием хозяйственной деятельности. Вполне правомерно представление о роли прикаспийских заповедников в том, чтобы вести наблюдения за всеми изменениями природы на одном и том же месте, даже если вместо былых джунглей и плавней образовались соляные пустыни. В штатах заповедника герпетологи сменяют ихтиологов, сократится число орнитологов и ботаников, но непреодолимая ценность стационарных наблюдений не будет утрачена. Резерват же ради сохранения ценных животных может кочевать вслед за Каспием.

Отнюдь не во всех случаях наступает резкая и необратимая деградация природных сообществ, гораздо чаще (например, в пресловутых случаях угнетения копытными лесных угодий) она может быть частичной, временной, неполной, а то и мнимой, особенно если учесть кратковременность и беглость наших наблюдений. У природных сукцессий иные мерки времени. Очевидно, в принципе идеалом заповедной природы являются сбалансированные климаксовые сообщества, но даже и в них может нарушаться естественное равновесие, происходят многовековые смены биогеоценозов, наблюдаемые нами лишь на отдельных этапах. С такой точки зрения нельзя трагически смотреть на свежие гари, возникшие от сухих гроз, на леса, повре-

жденные насекомыми или копытными, на недостаток кормовой базы для отдельных животных и т. д. Зато недопустимость любых рубок, регуляций, истребления хищников и «вредителей» несомненна уже потому, что отказ от заповедности принесет ущерб науке, лишит ее важнейшего источника информации. Нельзя забывать и о том, что наши ведущие биологи, в частности Г.Ф. Морозов, неоднократно указывали на то, что в природе нет «полезных» или «вредных» животных. Понятия о вреде и пользе животных носят чисто хозяйственную трактовку, совершенно неуместную для заповедников. Недаром академик ВАСХНИЛ Д. Брежнев, выступая недавно в защиту заповедников (газета «Правда» от 5 июня 1980 г.), отмечал, что положение о заповедниках должно предусматривать их автономию, исключаящую какое бы то ни было хозяйственное вмешательство в жизнь охраняемых биогеоценозов. Особое возмущение автора, кстати, вызывает именно сенокосение, признаваемое в ряде заповедников системы МСХ СССР.

В связи с этим первостепенное значение приобретает официальное оформление заповедного статуса, конкретное определение заповедности. Выше говорилось о том, что только в Положении о заповедниках Главохоты РСФСР ныне предусматривается выделение участков, в пределах которых не допускается никакого вмешательства человека в жизнь природных комплексов. Многие экологи возражают против разделения территории заповедников на участки различного режима, утверждая, что «весь заповедник должен быть заповедником». Но на практике единого строгого режима для всей территории заповедника не удавалось выдержать нигде и никогда. Определенное разумное зонирование неизбежно и даже оправдано для всех категорий охраняемых природных объектов, включая и заповедники. Всегда приходится выделять в них какие-то участки ограниченного пользования для нужд самого заповедника, проведения научных исследований и т. д. Другое дело, что размер абсолютно заповедной неприкосновенной (даже для науки) площади должен составить не 10 %, а гораздо больше, в среднем до 90 % территории. Возможно, что на них допустимы через определенные промежутки времени научные наблюдения, проводимые при условии минимального вмешательства и беспокойства, но в принципе они могут производиться при помощи самописцев, особых приборов, авианаблюдений и т. д. (этот вопрос очень сложен и требует еще детальных разработок).

В целом можно констатировать, что классические принципы отечественного заповедного дела в настоящее время уступают свое место идеям регуляции и управления популяциями диких животных. Но это ни в коем случае не означает, что сама по себе идея невмешательства в заповедную природу окончательно потерпела крах и отвергнута жизнью. Дело в том, что мы не можем достоверно судить об этом принципе, потому что он, по существу, остался невоплощенным и непроверенным, такая проверка требует длительных сроков.

Весьма показательным, что в практике мировой науки главный отечественный принцип заповедного дела – принцип неприкосновенности заповедников – все же получил признание. Это наглядно подтверждает «Многоязычный словарь терминов по охране природы» (1976), в составлении которого принимали участие и научные сотрудники ЦЛОП МСХ СССР (ныне – ВНИИ Природа МСХ СССР). В разделе «Охраняемые объекты» приводятся два термина в отношении заповедников. «*Полный заповедник*» определяется как «*охраняемый участок природы, на котором полностью исключено любое вмешательство человека, кроме строго контролируемых научных исследований, не оказывающих влияния на охраняемые объекты*» (с. 80). С некоторыми оговорками можно признать, что такое определение соответствует классическим принципам заповедности. Оговорки касаются проведения научных исследований, которые часто связаны с непосредственными и порою весьма существенными вмешательствами (закладка пробных площадей, отлов и отстрел животных в научных целях, маркирование, сбор гербариев, обнажение корневой системы растений, почвенные пробы и др.). Конечно, эти нарушения значительно меньше тех, которые производятся при лесоустройстве, противопожарной охране, при заповедно-режимных мероприятиях, различных «обустройствах»

с закладкой дорог, просек, трансектов и т. п., но все-таки даже простое хождение (а еще чаще – езда) по территории заповедника его многочисленных работников уже само по себе является значительным фактором беспокойства.

Вторая категория заповедников по данной терминологии – *«заповедник направленного режима: охраняемый участок природы, для сохранения которого в желаемом состоянии требуется особое вмешательство человека»* (Там же). Это в настоящее время соответствует, пожалуй, подавляющему большинству, если не всем нашим заповедникам.

В отличие от предельно ясного и недвусмысленного принципа неприкосновенности (полной заповедности) данная формулировка характеризуется возможностью разнообразных разночтений. Что, собственно говоря, означает «сохранение в желаемом состоянии»? В желаемом для кого? Ботаники и зоологи, не говоря уже о профилях и специализациях этих ученых, администраторы и работники ведомств могут иметь всевозможные представления о «желательности» состояния природы заповедников и способах достижения этого. К тому же здесь неизбежно скажутся привходящие обстоятельства организационного, финансового, наконец, просто субъективного характера. Поэтому, не отвергая термин «заповедник направленного режима» (поскольку это в ряде случаев необходимая реальность), требуется дать для него более четкое определение, исходя из конкретных задач и направлений деятельности таких заповедников (Реймерс, Штильмарк, 1978).

Н.Ф. Реймерс (1979) предпринял попытку дать развернутое и детализированное определение разных категорий заповедников (к сожалению, автор не включил в свой словарь термин «заповедно сть»). «Полным заповедником» Н.Ф. Реймерс называет особо охраняемые природные территории, изъятые из какого бы то ни было традиционного использования и предназначенные исключительно для сохранения информационных ресурсов (включая генетическую информацию) для научных целей. К заповедникам направленного режима (управляемым резерватам) автор относит «полный» заповедник (раз «направленного режима», значит, уже не «полный»!), не представляющий естественной саморегулирующейся экологической системы, или такой, в котором направление развития природы не соответствует нормам, признанным целесообразными, а потому требующий проведения определенных мероприятий по поддержанию оптимальных условий для отдельных видов.

Это определение, по нашему мнению, также нельзя считать достаточно удачным ни по форме, ни по смыслу, поскольку оно допускает разные толкования и чересчур усложнено. То же касается формулировок в статьях «Биосферный заповедник», «Эталонный заповедник» и некоторых других. Безусловно, правильным можно признать положение из статьи «Заповедник», где автор пишет, что заповедником в узком смысле следует называть лишь полный (абсолютный) заповедник, куда запрещен вход посетителям. Все же формы охраняемых территорий, предназначенные для посещения, необходимо называть разного рода парками. Можно считать, что на сегодняшний день жизнь уже разрешила спор между теми, кто пытался провести идею о национальных и природных парках как разновидностях заповедников, и противниками таких представлений. Даже официальные типовые положения в настоящее время готовятся отдельно по заповедникам и национальным (природным) паркам, а в большинстве заповедников, по существу, прекращен организованный туризм. Видимо, правильнее говорить о категориях охраняемых природных объектов, а не пытаться классифицировать вместе заповедники, парки, акклиматизационные сады, питомники и т. д. (Гусев, 1972).

Нельзя забывать о том, что стремление к использованию заповедников в практических целях, в частности для туризма и рекреации, остается весьма значительным. Так, председатель Центрального Совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС А.Х. Абуков в книге «Туризм сегодня и завтра» (1978) пишет о необходимости *«хорошо продумать и организовать посещение заповедных мест»* (с. 190). «Теоретическую» базу под это подводит Е.А. Котляров (1978), поместивший в своей книге специальный раздел «Рекреационное использование заповедников и

заказников». Автор не видит разницы между национальными парками и заповедниками, которые, по его мнению, *«весьма заманчивы для организации туризма»* (с. 197).

Итак, хотя понятие о подлинной заповедности (неприкосновенности заповедников) официально признано мировой наукой, он не может пока пробить себе дорогу в практику наших заповедников. Мы видим в этом существенный недостаток заповедного дела на современном этапе, который является самым суровым наследием недавней стратегии натиска на природу, призывов о ее полном преобразовании и т. д. Содействуют такому положению упрощенно воспринимаемые экологами представления о мнимом единстве охраны и рационального использования природы. Дело в том, что существенные противоречия между использованием и охраной природы пока неизбежны. Это убедительно показано, в частности, в труде О.С. Колбасова (1976) и др.

В условиях, когда в заповедниках еще не могут быть реализованы принципы неприкосновенности, следует более осторожно относиться к созданию новых резерватов в удаленных и малообжитых территориях страны. Разумеется, сейчас трудно найти такие районы, где на природу не оказывали бы влияние люди, даже если они не живут здесь постоянно (экспедиции, туристы и т. д.). Но нужно учитывать уровень, частоту и степень факторов беспокойства. Браконьеры могут проплыть на лодке по дальней речке 1–2 раза в год, а моторки с работниками охраны или учетчиками плавают по заповедным речкам постоянно. Авиачеты, особенно если они проводятся на бреющем полете, несомненно оказывают неблагоприятное действие на животных. Так, например, копытные звери бегут по глубокому насту, что может вызвать у их пневмонию (одна из возможных причин гибели нескольких овцебыков на острове Врангеля), птицы слетают с кладок, теряя потомство, и т. д. К сожалению, этот вопрос совершенно не затронут в литературе.

Более того, как это ни парадоксально, даже при «заповедно-режимных», противопожарных и некоторых научных мероприятиях в заповедниках природе может быть причинен значительно больший ущерб, чем в результате редкого и нерегулярного браконьерства в отдаленных местностях.¹²

На этом фоне значительно возрастает природоохранная и научно-информационная (потенциально!) роль неосвоенных и отдаленных территорий, в частности, в Арктике, в зонах тайги и тундры, поскольку степень фактического воздействия антропогенного фактора там может быть даже ниже по сравнению с действующими заповедниками. Кстати, в ряде стран участки сохранившейся «примитивной» или «дикой» природы рассматриваются как особая форма охраняемых природных территорий (Snyder, 1976; Стоилов, 1979; и др.). Было бы целесообразно осуществить, как это ранее рекомендовалось (Зыков, Нухимовская, 1979; и др.), резервирование таких участков для создания там абсолютных заповедников в будущем. Заповедание в современном представлении может в отдельных случаях привести к развитию факторов беспокойства и усилить уровень антропогенного воздействия на природные комплексы.

Первостепенной задачей в настоящее время является официальное юридическое признание главных принципов подлинной заповедности, внесения их в законодательные акты, в государственные стандарты и другие документы. Следующим этапом, возможным лишь при коренном организационно-правовом изменении заповедного дела, явится внедрение этих принципов в практику деятельности наших заповедников. В конечном торжестве этих принципов над хозяйственно-прагматическими приемами не может быть никаких сомнений.

¹² Особенно опасным оказывается использование в заповедниках механизированной техники (вездеходов, тракторов и т. д.); к сожалению, насыщенность ею службы охраны рассматривается как достижение, хотя в принципе она должна применяться лишь в исключительных случаях. Такие средства передвижения, как велосипеды, лошади, олени и собаки упряжки гораздо предпочтительнее для заповедников по сравнению с разного рода машинами. Гусеничный же транспорт вообще недопустим.

1.2. Принципы заповедности и развитие системы биосферных заповедников¹³

Понятие о заповедности в настоящее время по-разному употребляется и воспринимается даже специалистами. В широком смысле многие говорят об уровне и степени заповедности, рассматривая, кроме собственно заповедников, и другие формы территориальной охраны природы – заказники, памятники природы, охраняемые ландшафты и т. п. В узком же и более конкретном плане под заповедностью необходимо понимать не только полное исключение того или иного участка из всякого утилитарного хозяйственного использования, но и отсутствие непосредственного антропогенного воздействия. Именно такой смысл был вложен в термин «заповедник» классиками отечественной науки в начале XX века (В.В. Докучаевым, И.П. Бородиным, Г.Ф. Морозовым, Г.А. Кожевниковым и др.). Заповедность понималась ими как абсолютное невмешательство в природу, и этот тезис был принят советским природоохранным законодательством, хотя впоследствии неоднократно подвергался ревизиям.

Ныне заповедниками признаются территории, исключенные из хозяйственного использования в научных или культурно-просветительных целях¹⁴. Заповедность, как правило, обеспечивается правами землепользования на данный природный участок и прекращением воздействия людей, включая их пребывание, – в этом основное отличие заповедников от национальных парков, заказников и других охраняемых территорий. Разумеется, всевозможные формы глобального антропогенного влияния (загрязнение и др.) сказываются и на заповедных территориях, но прямое должно прекращаться.

К сожалению, классические принципы заповедности с большим трудом осуществляются в реальной действительности. Потребность человека в конкретной практической и преобразовательной деятельности столь велика, что идеи невмешательства в заповедную природу часто рассматриваются как консервативные, если не реакционные, они заменяются требованиями направленной регуляции и управления биоценозами подчас даже в тех случаях, когда для этого нет объективных условий и достаточной научной базы. Широкая общественность, а также большинство экологов неспособны в течение длительного времени, не вмешиваясь, наблюдать нежелательные с общепринятой точки зрения, изменения в заповедных биогеоценозах. Они стремятся воздействовать «в желательном направлении» на ход сукцессии, регулировать численность животных, их видовой состав, осуществлять «заповедно-режимные мероприятия» и т. д. При этом часто ссылаются на проявления хозяйственной деятельности вне заповедника, не считаясь с тем, что этот фактор становится уже общим глобальным фоном и должен рассматриваться наравне с природными.

Подавляющее большинство официальных положений о заповедниках (включая недавно принятые «Типовые положения», утвержденные в апреле 1981 г. Госпланом СССР и ГКНТ), включают в себя статьи, допускающие в заповедниках самую различную деятельность, направленную на «выполнение поставленных перед ними задач». В условиях существующей многоведомственности и отсутствия научно-методического центра эта формулировка, по существу, развязывает руки тем, кто видит в наших заповедниках специфические «заповедные хозяйства» (термин, получивший широкое официальное признание, несмотря на его юридическую неправомочность).

¹³ Всесоюзное совещание: Биосферные заповедники. Современное состояние и перспективы развития. Тезисы докладов. Пушино, 1981. С. 20–24.

¹⁴ Следует учитывать, что помимо природных заповедников существуют ещё историко-культурные, в также промежуточные формы между этими категориями (историко-архитектурные и природные музеи-заповедники, например, Соловецкие острова).

Хотя практически во всех заповедниках выделялись те или иные участки различного режима («зоны покоя», «зоны абсолютной заповедности», участки для ограниченного хозяйственного использования, экспериментальные и другие), официальное зонирование в научной литературе пока признается только для биосферных заповедников, где, по мнению большинства авторов, должно существовать как заповедное («срединное») ядро, так и обширная буферная зона, в которой изучается не только природа, но и воздействие различных форм землепользования. Вместе с тем, многочисленные попытки официального зонирования существующих заповедников всегда вызывали и вызывают резкую критику со стороны ученых, поскольку были, по существу, стремлением к передаче части заповедных площадей для экспериментальных или научно-хозяйственных целей. Новые «Типовые положения» зонирования заповедников не предусматривают.

Концепция биосферных заповедников рассматривается как более высокий этап охраны природы по сравнению с классическими консервационными принципами. *«Научно-исследовательская деятельность в них, – пишут в журнале «Курьер ЮНЕСКО» (май 1981, с. 34) В. Лусиги и Д. Робертсон, – включает вопросы не только экологии флоры и фауны, но и рационального использования природных ресурсов... Выходя за рамки сохранения, концепция биосферного заповедника предусматривает активное изучение более широкого вопроса использования и преобразования человеком экосистем в целом».* Такую постановку вопроса, которую разделяют и наши ведущие специалисты, можно только приветствовать, однако она показывает, что биосферные заповедники являются принципиально новой формой особо охраняемых природных территорий, сочетающей в себе лишь некоторые признаки заповедности с активной научно-хозяйственной деятельностью. Недаром указанные выше авторы пишут далее, что сам термин «заповедник» в данной концепции является неточным.

В самом деле, биосферные заповедники мыслятся как весьма обширные территории (участки биосферы!), позволяющие прежде всего изучать, контролировать и прогнозировать антропогенные изменения в биосфере как среде жизни людей. Задача сохранения генетического и экологического разнообразия биоты, что является главным для наших заповедников по действующему законодательству и подчеркнуто еще раз недавним Законом об охране и использовании животного мира, несомненно уступает здесь основную роль глобальному и региональному мониторингу.

На первоначальной стадии формирования сети отечественных биосферных заповедников, казалось бы, не подлежало сомнению, что они будут создаваться как крупные территориальные единицы в различных географических регионах страны. Конкретно намечалось создать шесть больших биосферных заповедников-станций, в частности, там, где государственных действующих заповедников не имеется – на Земле Франца-Иосифа, в Якутии и т. д. (Герасимов, Израэль, Соколов, 1976). Однако в последующем статус биосферных заповедников получили несколько давно созданных заповедников, преимущественно системы Минсельхоза СССР. Ныне большинство из них стоит перед сложной проблемой сочетания традиционных и привычных заповедных задач с новыми научно-хозяйственными концепциями, с необходимостью официального выделения зон различного режима, что противоречит новым «Типовым положениям», которые, кстати, совершенно не предусматривают ни статуса, ни самого понятия о биосферных заповедниках. А поскольку вовлечение окружающих заповедники территорий в буферную зону довольно сложно, наблюдается тенденция выделения этой зоны за счет заповедной площади, что опять же вызывает критику со стороны многих ученых и энтузиастов охраны природы. К тому же развертывание довольно сложных мониторинговых исследований и даже простое увеличение числа научных сотрудников в заповедниках неизбежно связано с дополнительными нагрузками на заповедные комплексы, с возрастанием фактора беспокойства.

Таким образом, нынешние тенденции возведения уже действующих заповедников в будто бы более высокий ранг биосферных станций нельзя признать правильным. Биосферные станции (такое многими принимаемое название более верное) должны составлять самостоятельную и отдельную категорию охраняемых природных территорий. Высокие ведомства, заинтересованные в создании биосферных заповедных станций (Академия наук СССР, Госкомгидромет СССР), безусловно в состоянии решить проблему их создания без использования системы действующих государственных заповедников, кроме, быть может, исключительных случаев, когда это вызвано особой необходимостью (Репетекский или Центрально-черноземный заповедники). Но и при этом недопустимы попытки изменить или ослабить режим заповедности в связи с развитием научно-хозяйственных и экспериментальных работ, которые должны осуществляться только за пределами действующих заповедников (в крайних случаях – в их охранных зонах). В нашей стране достаточно территории, чтобы развернуть сеть биосферных станций без ущерба для заповедного дела страны.

Необходимо учитывать, что и обычные, и биосферные заповедники могут плодотворно осуществлять свои функции только в составе всей системы особо охраняемых природных территорий (Реймерс, Штильмарк, 1978). При ее формировании нужно действовать так, чтобы повышать, а не понижать степень охраны или заповедности в широком смысле слова. Организация же биосферных заповедников пока грозит пойти по другому пути, и эту опасность необходимо вовремя увидеть и устранить. Разумеется, все сказанное не снижает важности проблемы скорейшего развития общегосударственной системы биосферных заповедников-станций, имеющих первостепенное научное значение при решении многочисленных проблем охраны окружающей природной среды.

1.3. Проблемы оптимального размещения заповедных территорий в РСФСР¹⁵

Под заповедными территориями согласно законодательству следует понимать участки земельного и водного пространства, изъятые из хозяйственного использования в научных и культурно-просветительных целях. Реально к ним относятся территории государственных заповедников и отдельные участки других особо охраняемых объектов, если их заповедный режим юридически и фактически обеспечен (например, заповедно-охотничьих хозяйств, национальных парков, памятников природы).

Формирование сети заповедников Российской Федерации характеризуется неравномерностью и существенными колебаниями по отдельным периодам. Первый заповедник России (Саянский) был создан в 1915 г. В 1925 г. в РСФСР (по современному административному делению) имелось 8, в 1935 – 29, в 1945 – 39, в 1955 – 21, в 1965 – 27, в 1975 – 38 заповедников. На 1.03.1985 г. в Российской Федерации действуют 55 заповедников общей площадью 12 909 317 га и три природных национальных парка.

Развитие заповедной системы осуществлялось преимущественно на регионально-географическом принципе, первоначально предложенном еще в начале нашего века (В.П. Семенов-Тянь-Шанский, Г.Ф. Морозов и др.), а в последующем – уточненном и детализованном (Лавренко и др., 1958; Зыков, Нухимовская, 1979). Однако существенное влияние на этот процесс оказывали различные экономико-хозяйственные и другие моменты, в частности, необходимость особой охраны тех или иных ценных животных, стремление к сохранению уникальных объектов, элементы местного патриотизма и т. п. Серьезный ущерб заповедной системе был причинен реорганизацией 1951 и 1961 гг., когда сеть охраняемых территорий была существенно сокращена.

Последние два десятилетия характеризуются рядом положительных сдвигов в процессе формирования сети заповедных территорий. С начала 70-х годов осуществляется специальное проектирование заповедников (проектно-изыскательские экспедиции Главохоты РСФСР). С 1976 г. организация заповедников включена в народно-хозяйственные планы, учреждена статистическая отчетность. Определенную роль сыграла разработка генеральной схемы рационального размещения природоохраняемых и охотхозяйственных объектов в РСФСР (Семкин, Штильмарк, 1981).

Показатели роста заповедной сети существенно возросли за две последние пятилетки. С 1976 г. в РСФСР организовано 17 новых заповедников общей площадью свыше 7 млн. га (свыше половины всей заповедной территории Федерации). Из них четыре расположены в горах юга Сибири (Саяно-Шушенский, Витимский, Олекминский и «Азас»), два – в зоне тундры («Остров Врангеля» и Таймырский), два – в европейской тайге (Костомукшский и Нижне-Свирский), два – в Западной Сибири («Малая Сосьва» и Юганский), два – в акватории и на островах Тихого океана (Дальневосточный морской и Курильский), по одному – в Средней Сибири (Центральносибирский), на севере Дальнего Востока (Магаданский), в высокогорьях Кавказа (Кабардино-Балкарский) и европейской лесостепи («Лес на Ворскле»). Расширены территории Жигулевского, Кандалакшского, Комсомольского, Хинганского, Кроноцкого и Лапландского заповедников.

Как видно из этого перечня, общий и количественно значительный рост заповедной системы происходит в основном за счет отдаленных труднодоступных регионов, преимущественно горных и таежных ландшафтов, между тем как наиболее уязвимые и нуждающиеся в

¹⁵ Теоретические основы заповедного дела: Тезисы докладов Всесоюз. совещ., Львов, 18–19 декабря 1985 г. М., 1985. С. 313–316.

особой охране природные комплексы заповедниками не обеспечены. Подготовлены проекты новых, очень крупных по размерам заповедников – Верхне-Тазовского (1,2 млн. га), Усть-Ленского (1,5 млн. га), проектируются Байкало-Ленский, Баджальский и некоторые другие горно-таежные резерваты.

Не ставя под сомнение целесообразность заповедания участков пионерного или предпионерного освоения, в частности региона БАМа, необходимо подчеркнуть отсутствие или острый недостаток заповедников в ряде обжитых местностей. Как и прежде, первоочередной задачей остается выделение заповедных участков в зоне степи и лесостепи, в центральных районах страны. Не удалось и, вероятно, уже не удастся восстановить такие важные для охраны природы заповедники, как «Тульские засеки», «Клязьминский», «Бузулукский Бор», «Пензенский». Из пяти заповедников Подмосковья ныне существует только один, площадь которого не расширена, хотя предложений об этом было множество. Все попытки организации заповедников в степях как Европейской, так и Азиатской частей РСФСР пока безуспешны. Безрезультатно закончилось проектирование Ростовского и Оренбургского степных, Хакасского и Тувинского горно-степных заповедников, не реализуются многочисленные предложения ученых о заповедании последних степных участков в центральной части РСФСР (Данилов, Нухимовская, Штильмарк, 1983). Весьма проблематичным остается создание заповедников в Дагестане, в Малоземельской тундре, на арктических островах, в Даурии, на Сахалине и ряде других местностей, где необходимость их особенно велика. Не создан заповедник на озере Ханка.

В этих условиях наметившаяся тенденция организации гигантских по размерам таежных и тундровых заповедников вызывает определенное беспокойство, поскольку создает опасную иллюзию стремительного развития всей системы заповедников в целом. Установка проектировщиков на большие площади послужила причиной ряда неудач, кроме того, возникают серьезные трудности с охраной чрезмерно крупных и отдаленных заповедников. Наконец, увлечение заповеданием чрезмерно больших площадей не имеет под собой достаточно серьезных научных обоснований и таит в себе определенную угрозу для принципов заповедности и заповедного дела в целом.

Что касается национальных парков, то они в РСФСР подчиняются органам управления лесного хозяйства и, по существу, не имеют пока заповедного режима даже на особо охраняемых участках. В соответствии с лесным законодательством в лесах могут выделяться заповедные лесные участки, резерваты и другие особо охраняемые территории, но эти возможности на практике реализуются еще весьма слабо. Не приведены в соответствие с новыми законодательными актами и многочисленные памятники природы России, на многие из которых должен быть распространен подлинный заповедный режим. Однако это может оказаться реальным только для конкретных, ограниченных по площади объектов, а не для обширных территорий, как правило используемых для тех или иных практических целей (в частности, туризма и отдыха).

Оптимизация размещения заповедных территорий требует не только серьезного научного обоснования и существенного улучшения практики проектирования, она может быть реально осуществлена только при условии изменения ныне действующего природоохранительного законодательства, в частности, порядка изъятия и отвода земель для целей охраны природы. Необходима разработка общесоюзных Основ законодательства по всем категориям особо охраняемых природных территорий, а также решение давно назревшей проблемы их организационно-административного подчинения.

1.4. О концепциях особо охраняемых природных территорий и принципе заповедности¹⁶

Создается впечатление, что серьезной дискуссии призывы к разработке новых концепций особо охраняемых природных территорий (ООПТ) не вызвали. Это связано прежде всего с несвоевременностью постановки данных проблем в условиях социально-политической нестабильности (достаточно сослаться на неопределенность земельного законодательства, без чего невозможно определение статуса любых форм ООПТ). Поэтому многие рассуждения по теме предложенной дискуссии носят отвлеченный характер, это относится и к данному тексту.

Со времени публикации известной монографии (Реймерс и Штильмарк, 1978) научное направление, посвященное разработке системы ООПТ (названное Реймерсом «сепортологией»), получило довольно серьезное развитие в нескольких направлениях. Прежде всего это существенное расширение категорий и форм охраняемых территорий, среди которых следует выделить ОПТ, создаваемые не только на экологических или биогеографических (ландшафтных) принципах, но и на социальной основе («этнические» и/или «экоэтнические территории, земли традиционного освоения», «родовые угодья» и т. п.). В различных списках и таблицах формы ООПТ, выделяемые в разработках некоторых авторов и даже в официальных документах, приближаются к сотне...

Учение об охраняемых природных территориях вызвало появление большого числа специальных обзоров, а соответственно, и разнообразных публикаций – от тезисов и статей до больших монографий (чтобы не перегружать данный текст, ссылки на соответствующую литературу мы, за редкими исключениями, не приводим).

Н.Ф. Реймерс предложил перейти от принципа «каждому региону – свой заповедник» к формированию региональных систем ООПТ, обеспечивающих экологическое равновесие данного района. Н.А. Соболев (1998) сформулировал положение о том, что «*росту нагрузок на природу должно соответствовать адекватное развитие системы ООПТ*» (назвав его правилом Реймерса-Штильмарка. – *Ред.*).

В развитие данных представлений возникли понятия о таких территориальных комплексах, как «районы особого природопользования», «территории природного наследия», а в последнее время стали очень модны термины «экологический каркас» и «экологическая сеть», причем в основе этих трактовок лежат именно различные ООПТ. В сочетании с принятым в 1995 г. законом РФ об охраняемых природных территориях все это предоставляло весьма широкий фронт работ ученым, специалистам и энтузиастам охраны природы как в центре, так и на местах, использовалось в официальных служебных документах при дублировании указанного закона в областях, краях и республиках РФ, увеличивало поток информации.

На фоне столь явной «сепортологической эйфории» не хотелось бы выражать скептицизм и сомнения, но время идет, а попыток критического анализа не предпринимается, лишь множатся публикации с возрастающим количеством всевозможнейших охраняемых территорий, свидетельствуя об очередных экологических достижениях. Между тем оглядеться стоит.

Еще в период работы с Н.Ф. Реймерсом меня более всего смущали мысли о наличии или отсутствии граней между «особо охраняемыми» и хозяйственно используемыми территориями. Прежде всего вспомним своего рода афоризм о том, что «неохраняемых природных территорий в СССР нет». Есть ли они в нынешней России – вопрос спорный, однако можно с полным основанием утверждать, что сегодня четкой грани между «особо охраняемыми» и хозяйственными территориями не существует. Более того, ее не существовало никогда. С

¹⁶ Охрана дикой природы. 1999. № 3(14). С. 35–38.

начала нашего века, со времени самых первых классификаций охраняемых территорий и объектов (Соловьев, 1918), к таковым относили хорошо организованные охотничьи хозяйства, различные питомники рыбы и дичи, зоопарки и зоофермы. Хотя весьма известный термин «заповедно-охотничьи хозяйства» сам по себе вызывал серьезные возражения и был официально отвергнут, все знают, что территории высокоуровневых охотхозяйств подчас охраняются куда лучше, нежели иные заповедники, в то же время отдельные «избранные» лица охотятся там абсолютно бесконтрольно. И отнюдь не только такие, но и почти любые организованные предприятия способны сочетать всевозможные виды хозяйствования с реальными формами как рационального природопользования, так и с различными категориями территориальной охраны природы (постоянные и временные заказники, «зоны покоя», «микрорезерваты» и т. и. – примеров тому слишком много, чтобы их приводить).

Проще говоря, здесь наглядно проявляется экологическая культура, которая сама по себе является частью культуры общечеловеческой. Подлинно рациональное природопользование безусловно вмещает в себя весь спектр задач, стоящих перед современными системами ООПТ, за исключением участков абсолютной заповедности (см. ниже).

Глядя правде в глаза, разве правомерно относить к особо охраняемым природным территориям такие общепринятые их категории, как зеленые зоны вокруг наших крупных городов? Взять хотя бы столицу, где почти весь лесопарковый зеленый пояс густо заселен (плотность 8,4 чел./га), почти половина его урбанизирована. Напомним, что ранее существовавшие в Московской области заповедники не восстановлены (так же как близкие к Москве «Тулские засеки» и Клязьминский), а проекты новых в Подмоскovie были отвергнуты. С большими сомнениями мы включили в перечень ООПТ леса 1-й группы и полезащитные лесные полосы, в которых ведутся самые разнообразные хозяйственные мероприятия от выпаса скота и сбора плодов до сплошных рубок («восстановительных» и др.), между тем к ним, вместе с зелеными зонами, относятся обширные площади в списках ООПТ. Подобные примеры нетрудно продолжить. Ведь работники охотничьего, рыбного, лесного, сельского хозяйства и даже многих отраслей промышленности вполне способны регулировать использование предоставленных им природных территорий и ресурсов. Всегда ли при этом есть необходимость их ограничения системами ООПТ, причем чаще всего иллюзорными и недееспособными? Хороший хозяин не станет уродовать свой дом, неизбежно подрывая тем самым собственную экономику.

К сожалению, даже общепризнанные формы ООПТ – такие, как памятники природы, заказники и национальные парки, – пока не выдерживают строгой проверки на соответствие их природоохранному назначению. Что касается заказников и памятников природы, то относительно действительны среди них только те, которые имеют федеральный статус, тогда как «местные» чаще всего существуют лишь на бумаге, не имеют реальной охраны, причем так называемые охотничьи заказники (численно преобладающие) вообще юридически неправомочны и не вписываются в действующее законодательство. Не являясь, как правило, землепользователями, даже федеральные заказники (не говоря уже о местных) не в состоянии реально противостоять горе-хозяйственникам и разного рода природоразрушителям.

Наши национальные и природные (региональные) парки находятся, по сути, только в стадии становления. Эта форма ООПТ представляется нам наиболее важной как в природоохранном, так и в социально-общественном плане, однако, подчиняясь местным органам лесного хозяйства (или же администрации), они, по существу, также не выполняют своего высокого предназначения. Сказывается их неестественная и обоюдорядная конкуренция с заповедниками, вольно или невольно подогреваемая теми, кто отождествляет две эти принципиально различные категории ООПТ, стремится к сближению их исходно различных функций (не станем здесь это детально обосновывать). Важно подчеркнуть, что все многочисленные лозунги о значимости ООПТ в экологической пропаганде, в экопросвещении, об их роли «как гордости и символа нации» полностью относятся именно к национальным и природным паркам, но не к

заповедникам, о которых надо знать все, но далеко не всем и каждому. Парки – для красоты и славы, заповедники – во имя великой пользы и ради будущего. Понимание этой существенной разницы между заповедниками и парками есть надежный признак подлинно экологического мышления. Подобно тому как не может быть «заповедного фонда» вне соответствующих территорий, заповедник не должен принимать на себя никаких функций по обслуживанию населения.

Сложившееся неестественное положение во многом обусловлено всей историей нашего заповедного дела: национальные парки в России стали появляться на полвека позднее заповедников, которые отчасти были вынуждены брать на себя их задачи. Недаром и прежде, и в наше время не раз предлагалось преобразовать некоторые наши заповедники в национальные парки (в прошлом – И.И. Пузанов, недавно – А.А. Никольский). Мне представляется, что в настоящее время нельзя понижать статус таких старых заповедников, как Кавказский, Тебердинский, Кроноцкий, «Столбы», хотя и приходится вычленять в них участки для регулярного посещения туристами. Более закономерно придать статус национальных парков таким недавно созданным заповедникам в средней полосе России, которые не в состоянии соблюдать заповедный режим уже в силу своего географического и социального положения – прежде всего из-за конфликтов с местным населением. Это, в первую очередь, «Брянский лес» (причем национальный парк может занимать гораздо более обширные площади, чем нынешний заповедник, в частности включать лесные участки, связанные с партизанским движением), Керженский, «Калужские засеки», Воронинский, «Большая Кокшага», а из старых – «Лес на Ворскле» и Воронежский, который также может существенно увеличить свои размеры. Конечно, каждый из этих парков должен иметь заповедные зоны. Можно напомнить – мне пришлось быть тому свидетелем, – что ряд дальневосточных заповедников предлагался именно в качестве «пригородных» и «парковых» (Большехехцирский, Комсомольский, Хинганский и Зейский). Именно из-за официального статуса пришлось менять в 70-е годы расположение Комсомольского заповедника, «отселяя» его подальше от города. Можно ли сегодня признать нормальным полное отсутствие национальных парков на юге Дальнего Востока при наличии там довольно обширной заповедной сети? Что же касается дальневосточных и сибирских заповедников-гигантов (Командорский, Большеарктический, Таймырский и др.), то их надо рассматривать как своеобразные резервы неосвоенных территорий, «законсервированных» на будущее.

Из всех конкретных предложений нам представляется наиболее серьезным мнение А.А. Никольского о создании специального государственного органа для управления заповедниками и национальными парками при Правительстве РФ. По сути, то же самое недавно предлагал А.В. Яблоков в проекте концепций экологической политики России. Им рассматриваются варианты организации самостоятельного комитета («Гос(Рос)Комитет по национальным паркам, заповедникам и редким видам») при Федеральном Правительстве (Яблоков, 1998). Правда, комментируя такого рода предложения, начальник

Управления заповедного дела Госкомэкологии В.Б. Степаницкий проявил немалый скептицизм, хотя и поддержал их в принципе. Надо надеяться, что рано или поздно высшие эшелоны власти осознают исключительную значимость национальных парков и заповедников как подлинных хранителей природных богатств нашей страны и уделят им должное внимание. Но для этого требуется приложить большие усилия, причем в первую очередь – именно тем, кто сегодня возглавляет наше заповедное дело.

Самое же трудное и важное – вернуть исходный смысл понятию «заповедность» – полному прекращению всех форм хозяйственной деятельности, под какими бы благовидными предложениями она ни велась. Именно эйфория в развитии территориальной охраны природы привела к тому, что различные системы ООПТ фактически слились с хозяйственными формами, а подлинная заповедность оказалась почти утраченной. Этому способствуют иные сверхусердные международные контакты, при которых в силу тех или иных вынужденных обстоятельств

наши специалисты предпочитают использовать зарубежный опыт, забывая о собственном и подчас пренебрегая отечественными принципами заповедного дела. Важнейший из них – принцип невмешательства, хотя он отнюдь не означает процветания природы. При длительных процессах динамики биоценозов и их сукцессии он может приводить к внешне неприглядным этапам, но пусть об этом судят потомки! Абсолютные заповедники и резерваты есть единственная «внехозяйственная» форма ООПТ, и грозящая ныне ее утрата совершенно недопустима.

Только осознав принципиальную разницу заповедников и национальных парков, будущее управление этими учреждениями («Роскомзаповедник») сможет найти верное соотношение между их задачами, структурами и всей деятельностью. Научное подразделение сосредоточится на заповедниках, ибо именно научная функция должна оставаться для них ведущей, тогда как вся эколого-просветительская, «музейная» и экотуристическая (рекреационная) деятельность переместится на развивающуюся систему национальных парков. Они должны преобладать над заповедниками, превосходя их и в количестве, и в площади. Более того, национальные парки в условиях рыночной экономики и при правильной постановке дела способны материально поддерживать строго бюджетные «бездоходные» заповедники. Что касается их дифференциации, а также других форм ООПТ (биосферных резерватов, заказников, памятников природы), пока можно сказать только одно: пусть время покажет!

1.5. Проблема «заповедники и туризм»¹⁷

В данное время мы стали свидетелями заметного оживления и развития так называемого «экологического туризма», который многими рассматривается как один из важных факторов экономической поддержки заповедной системы в период сокращения бюджетного финансирования. С позиций классической теории заповедного дела это явление представляется безусловно опасным и нежелательным. Любой туризм, как его ни называй, есть форма хозяйственного использования, неизбежно причиняющая ущерб заповедной природе. Народная мудрость гласит: «Один человек оставляет след, сотни людей – тропу, тысячи – пустыню». Не надо быть большим специалистом или экологом, чтобы понимать ту простую истину, что именно для экологического туризма предназначена развивающаяся система национальных и природных парков, с которой наши заповедники (научные учреждения!) вступают теперь в прямую конкуренцию.

Но реалии жизни редко вписываются в научные концепции. Безусловно, мы предпочитали бы видеть заповедники России не в красочных альбомах и буклетах, а полузакрытыми «лабораториями природы», доступ в которые открыт лишь весьма немногим. Однако нельзя утешаться иллюзиями, хотя туризму распахнуты ворота нацпарков и культурно-исторических мемориалов, да и вообще страна еще не обделена пространством для маршрутов на все вкусы.

Обозначенная проблема отнюдь не нова. На первоначальном этапе развития советских заповедников под эгидой Наркомпроса (1919–1932 гг.) речь шла лишь о некоем «экскурсионном деле» в заповедниках. Комитет по заповедникам при Президиуме ВЦИК (1933–1938 гг.) и Главное управление по заповедникам при СНК (позднее – Совмине) РСФСР (1939–1951 гг.) официально признали целесообразность туризма и экскурсий в заповедниках. В основной документ «Положение о государственных заповедниках» в 1940 г. был включен особый пункт, по которому одной из задач заповедников является *«ознакомление населения с природой заповедников и их работой путем организации туризма и научных экскурсий в заповедники»* (Макаров, 1940). На этом поприще выделялись заповедники Кавказа, а также «Столбы», где существует особый «туристическо-экскурсионный район». Это было обусловлено рядом причин, в частности, отсутствием системы нацпарков, смешением функций парков и заповедников (многие и сейчас стремятся их сблизить и уравнивать, что неверно в принципе), слабостью заповедного ведомства. Вскоре прежние главки были ликвидированы, а уцелевшие кое-где заповедники отчасти потеряли интерес для туристов, став научно-опытными станциями. Однако по мере восстановления прежней системы оживал и «заповедный туризм» (один из родов «заповедного хозяйства»). Слишком велико искушение использовать заповедники не для охраны природы, а ради элементарной пользы людской, преодолеть его невозможно. Администраторы, руководившие заповедным делом в 60–70-е годы, упорно декларировали значимость туризма в заповедниках. Вот, например, что говорил на заседании Научно-технического совета начальник Главного управления по охране природы и заповедникам МСХ СССР Б.Н. Богднов в июне 1967 г.: *«...вопросам организации туризма и отдыха на природе в заповедниках уделялось недостаточное внимание... необходимо разработать систему мероприятий (капстроительство, организацию маршрутов, обслуживание и т. д.), что позволит позитивно сочетать интересы охраны уникальных памятников природы и развитие массового туризма»*. Мы видим в подобных высказываниях яркий пример советского двоемыслия: «употребить, но сберечь», хотя на деле надо выбирать одно из двух. Многие члены НТС тогда выступили против таких предложений, объясняя начальству разницу между заповедниками и нацпарками (Ю. Ефремов, Л.

¹⁷ Заповедное дело в новых социально-экономических условиях: Тезисы докладов международного совещания, Санкт-Петербург, 24–27 апреля 1995 г. СПб: 1995. С. 43–45.

Шапошников и др.). Помогла тогда и риторика о «ленинских» принципах заповедности. К тому же обустроить заповедники для массового туризма не так-то просто.

Но сейчас обстановка иная, чем в «застойные времена». Общая площадь заповедников России теперь превышает территории большинства отделившихся республик СНГ (больше Белоруссии и Эстонии, вместе взятых), такие пространства пустовать не заставишь, особенно когда руководству хочется непременно к чему-то руки приложить, и многим видится в экотуризме решение не только экономических, но даже и своего рода «политических» проблем, в частности установления контактов с местным населением и администрацией. Угроза «конвергенции» и своего рода «срастания» заповедников и нацпарков становится все более реальной, тем более что поддерживается Минприродой РФ.

Это не только будет означать окончательный крах заповедной системы как системы научно-исследовательских учреждений, но и может привести к полному разрыву с местными властями, которые пока что «терпят» бездоходные госбюджетные заповедники, но не поддерживают их коммерческую деятельность на федеральном уровне. Примеры такого рода уже возникают.

Национальные парки могут быть очень большими, богатыми достопримечательностями, могут быть и весьма доходными (пока что все не так). У заповедников же другие цели, другой принцип и другая жизнь – деньги не всегда способны помочь сбережению природы (впрочем, нацпарки могли бы с ними и поделиться). Но все дело в том, что произошедшие после 1991 г. изменения в законодательстве почти лишили само понятие заповедности прежнего толкования. Да и невозможно на самом деле заповедать такие гигантские территории. Нам представляется необходимым вернуться к ранее существовавшей практике выделения участков «абсолютной заповедности» и попытаться, пока не поздно, обезопасить ради сохранения хотя бы отдельные участки относительно первозданной природы.

1.6. Заповедники, экологическое просвещение и экотуризм (Размышления по поводу нескольких газетных публикаций)¹⁸

Едва ли не главной особенностью в реальной жизни российских заповедников за последние пять-десять лет было смещение приоритетов в их деятельности от научных к эколого-просветительским. Для этого перестраивались структуры, возникали новые отделы и должности, изменялись формы отчетности.

Можно составить целую библиотеку из всевозможных публикаций – от книг и брошюр, руководств и буклетов до бесчисленных статей и заметок на темы о том, как должны нести заповедники экологические знания в массы, как организовывать «марши парков», пробуждать к себе всенародное внимание и вечную любовь.

В этом новейшем движении особенно велики заслуги Центра «Заповедники» в Москве, возглавляемого Н.Р. Данилиной, и Киевского эколого-культурного центра СоЭС во главе с В.Е. Борейко. Эти центры регулярно проводят конференции и семинары по экологическому образованию на базе охраняемых природных территорий, издают серию специальной литературы на сей счет. Газета «Заповедные острова» едва ли не в каждом номере публикует либо восторженные впечатления наших деловых «экотуристов» от поездок в дальние страны, либо рекламирует достоинства российских заповедников именно с «туристических» позиций.

Уже сам тот факт, что стало традицией говорить и писать о заповедниках и национальных парках как о самых близких родственниках, говорит сам за себя. Курс на «конвергенцию» этих принципиально различных форм ООПТ, по сути, положен в основу официальной природоохранной политики, и нельзя отрицать большого личного вклада в эту «смену вех» Н. Данилиной и В. Борейко персонально.

Но что мы вдруг видим? В центральной экологической газете «Зеленый мир» (2000. № 21–22) читаем объемистую статью В.Е. Борейко «Опасные тенденции и ошибки в экопросветительской деятельности заповедников». Одновременно в «Заповедных островах» (2000. № 10 (35)) появляется передовица от Н.Р. Данилиной под заголовком «Заповедники на рубеже веков», в которой ставится вопрос о совместимости заповедной идеологии с туристической деятельностью. Символично, что примерно в то же самое время появляется еще одна газетная статья на близкие темы, написанная Б. Пестряковым, «директором Центра по проблемам России, Арктики и Антарктики, почетным доктором Международной академии туризма» (поистине, чего у нас только нет...). Опубликована она в «Природно-ресурсных ведомостях» (№ 27/44) – рупоре Министерства природных ресурсов (МПР РФ), недавно принявшего на себя функции упраздненных Госкомэкологии и Рослесхоза. Заглавие этой статьи – «Свободу туристским территориям».

Да, проблема «заповедники и туризм» отнюдь не нова, она возникла едва ли не с появлением самых первых заповедников и национальных парков. В начале нашего уходящего века было недолгое время, когда эти понятия в самом деле признавались синонимами. Однако заповедное дело в России и в СССР пошло по иному пути. Государственные заповедники создавались «от людей для людей» как научно-исследовательские учреждения, а национальные парки призваны не только охранять природу, но и содействовать человеческому общению с нею – тут-то и самое место экопросвещению. Поскольку возможности для сближения людей с природой в нашей Отчизне весьма и весьма широки, а способы общений очень различны, насущная потребность в национальных и природных парках стала ощущаться сравнительно недавно:

¹⁸ Зеленый мир. 2000. № 27–28.

первые такие парки в России возникли лишь в начале 1980-х гг., и число их до сих пор заметно уступает количеству государственных заповедников.

Не только каждый подлинный эколог, но и всякий юрист, знающий наши законы, подтвердит тот непреложный факт, что любые виды туризма (в том числе и «экологический», хотя сам термин «экотуризм» вызывает большие сомнения) представляют собой совершенно определенные формы хозяйственной деятельности. И как ни толкуй, как ни заворачивай эту простую и горькую истину в экологические обёртки и фантики, суть дела от этого не изменится. А ведь «экотуризм», как можно прочесть в тех же «Заповедных островах» (№ 10), «*есть часть экологического просвещения*», и вывод отсюда напрашивается сам собой. Недаром такой страстный приверженец экопросвещения, как В. Борейко, ПЕРВОЙ ошибкой в этом деле считает «*активное использование туризма и школьных лагерей на базе заповедников*», а ТРЕТЬЕЙ (из десяти!) – «*формальный, неадаптированный перенос экопросветительского опыта американских национальных парков на наши заповедники*». Полностью соглашаясь с этим, нужно еще подчеркнуть огромную и принципиальную разницу в отношении к природе со стороны вполне обеспеченных, традиционно законопослушных американцев и населения нашей страны. Слишком уж разные у нас, как принято теперь говорить, «менталитет», обычаи и привычки. Первые привыкли к праздному отдыху на лоне природы, любованию ее красотами (подчас из своих автомобилей), а вторые без ружья, удочки или корзины для сбора лесных «даров» вообще в лес не ступят. Кстати, вполне законна и ограниченно допустима формула «охотничье-рыболовный туризм». Как биолог-охотовед берусь доказать его безусловную экологичность (хотя бы при необходимости регулирования численности животных).

На вопрос уважаемой Н.Р. Данилиной о совместимости «заповедной идеологии» с туризмом ответить очень просто, ибо «спор здесь неуместен». ЛЮБОЙ ТУРИЗМ В ЗАПОВЕДНИКАХ НЕДОПУСТИМ И ПРОТИВОРЕЧИТ НАШИМ ЗАКОНАМ, ибо там должны прекращаться ВСЕ формы хозяйственного пользования – здесь просто нет почвы для обсуждений и дискуссий.

Другое дело, когда проблема ставится так, как на развороте «Заповедных остров» (вынесено в аншлаг): «Экотуризм и ООПТ – совместимость или полярность?» Такая формулировка вопроса просто наивна или, скорее, лицемерна, ибо полностью НЕСОВМЕСТИМ ЛЮБОЙ ТУРИЗМ ТОЛЬКО С ЗАПОВЕДНИКАМИ, тогда как со ВСЕМИ ДРУГИМИ охраняемыми природными территориями, включая национальные и природные парки, безусловно, совместим, хотя и в разной степени. Что касается упоминаемых в газете музеев, то они расположены в населенных пунктах, а не в заповедной природе.

Возможности туризма – в самых разных его проявлениях – для России поистине неограниченные, и это подтверждается несколько оригинальной, но интересной статьей Б. Пестрякова в «Природно-ресурсных ведомостях», где автор предлагает придать статус «свободных туристических территорий» обширным пространствам Сибирского Севера и Дальнего Востока.

В самом деле, настоящий любитель дикой природы стремится вовсе не в строго закрытые научные лаборатории, которыми должны быть «по идее» наши государственные заповедники, ему хочется «на волю, в пампасы!», ему не нужны эконоаставники, проводники и надзиратели. Если же турист действительно хочет углубить свои познания в экологии, что ж, прекрасно, милости просим в национальные и природные парки, судьбой и законом предназначенные для общения людей с природой (за исключением заповедных участков или зон, разумеется!). Здесь и экологические тропы, и музеи природы, а кое-где, возможно, и территории ограниченного природопользования – сбора грибов и ягод, купания, даже и рыбной ловли. Правда, на примере столичного нацпарка «Лосиный остров» (живу на его окраине) можно с горечью убедиться в полнейшей беспомощности наших реальных экопросветителей – столь убоги выставленные в

людных местах аншлаги, призывы и вывески, хотя уж здесь-то имеются все возможности для подлинной и убедительной экологической пропаганды.

Не стоит скрывать того, что так называемый «научный» или «экотуризм» в наших заповедниках есть следствие великой нужды, невнимания государства к передовому краю охраны природы. Но нельзя же кривить душой, выдавая черное за белое, нельзя хитрить и лицемерить, получая иностранные гранты за пользование заповедной природой. Жизнь есть жизнь, и всякое в ней бывает.

Был период, когда посещение знаменитой Долины гейзеров в Кроноцком заповеднике решили строжайше запретить. Однако люди все равно стремились туда сквозь все природные препоны, вопреки любым запретам (избранных же возил вертолетами сам заповедник). Долго так продолжаться, конечно, не могло. Есть простое правило: нельзя заповедовать, полностью закрывать от населения такие достопримечательные места, которые как бы предназначены для любования ими. Заповедники есть ЭТАЛОНЫ ЛАНДШАФТОВ, А НЕ МУЗЕИ В ПРИРОДЕ, для последних существуют иные формы ООПТ. Это не значит, что нужно немедленно изъять Долину гейзеров на Камчатке или красоты Карадага на юге Крыма из границ соответствующих заповедников (теория не всегда согласуется с практикой), но СТАТУС этих уникамов природы должен отличаться от строго заповедного.

То же самое со знаменитыми красноярскими «Столбами», которые НИКОГДА не были и не будут заповедными, они существуют на режиме природного парка. Если же когда-нибудь – а ведь давно пора! – будет создан Красноярский национальный парк, он протянется вдоль правого берега Енисея от ближних «Столбов» до Дивногорска или далее вдоль водохранилища, и тогда заповедник может уступить свой туристско-экскурсионный район нацпарку, сам же должен быть расширен за Ману (это, кстати, давно уже предлагалось).

Таких примеров «оптимизации» ООПТ немало. Более того, существуют биосферные заповедники, располагающие, помимо «заповедного ядра» (то есть государственного заповедника), еще и особыми полигонами, на которых допускается ограниченная традиционная деятельность, в том числе возможен и туризм, даже рыболовно-охотничий.

Довелось недавно слушать в Московском доме ученых Российской академии наук отчет туристской группы, совершившей поход от западного берега Байкала к верховьям Лены и далее сплавлявшейся по реке на байдарках. Весь этот маршрут проходил по территории Байкало-Ленского заповедника (в буклете, изданном Экоцентром «Заповедники» в 1998 г., говорится о ТРЕХ туристских маршрутах в заповедных пределах). Это были вполне культурные «экотуристы», но даже они чувствовали себя неловко, рассказывая о своем путешествии сквозь заповедник. Такая же картина во многих наших горно-таежных заповедниках, а в иных странах СНГ (в частности, в Украине) заповедники НИКОГДА НЕ БЫЛИ ТАКОВЫМИ, работая либо как нацпарки, либо как спецхозяйства. Таково уж там толкование «заповедности», и на это не стоит закрывать глаза. Впрочем, помнится, в буклете еще одного из сибирских заповедников туристов заманивали даже возможностью ловли тайменя – одного из очередных кандидатов в Красную книгу...

Было лестно прочитать в подборке В. Красильникова о «зеленых юбилеях» (Зеленый мир, 2000. № 23–24) весьма высокую оценку серии «Заповедники СССР» (по мнению автора подборки, это «один из шедевров нашего научно-популярного и справочного книгоиздания»). К сожалению, ему неизвестно, что в прошлом году вышел в свет девятый том этой серии – первая из двух книг «Заповедники Сибири». Подготавливая сейчас в качестве ответственного редактора десятый том (второй для Сибири и последний для всей серии), мне пришлось дать к тексту о Байкало-Ленском заповеднике такую редакционную сноску:

«Хорошо известно, что туризм в отдаленной горно-таежной местности фактически неконтролируем и причиняет серьезный ущерб природным комплексам. Вполне уместный в национальных парках пешеходный и водный туризм (пусть даже под маркой «экологического»)

в заповеднике должен быть полностью запрещен. Вынужденное развитие в последние годы туризма – одной из форм хозяйственной деятельности – в наших заповедниках есть прямое нарушение заповедного режима и действующего законодательства. ПРИМЕЧАНИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ» (кстати, в нее официально входят и наши руководители заповедного дела).

Истоки великой Лены все-таки не Долина гейзеров; в Сибири предостаточно красивых сплавных рек, да и Лена хороша не только в заповеднике. Пусть же в ее верховьях плавают ленки и таймени (заметим, что не осталось там тайменей сегодня, заповедник хочет их восстанавливать), а не байдарки с так называемыми «эко туристами».

1.7. Трансформация понятий и трактовок о заповедности в XX веке¹⁹

Исконный смысл термина «заповедность» связан с понятием строжайшего запрета, священного заклания, полной неприкосновенности. В.В. Докучаев, создавая первые заповедные участки, считал необходимым *«предоставить их в полное пользование первобытных степных обитателей»*. И.П. Бородин и Г.А. Кожевников неоднократно призывали к строгому соблюдению полной заповедности на специально выделенных эталонных участках природы. Первые официальные декреты и постановления о заповедниках в начальный советский период также подчеркивали недопустимость какого-либо вмешательства человека в природные процессы на их территориях.

В начале 30-х годов эти принципы вошли в острое противоречие с установками социалистического строительства и были подвергнуты критическому пересмотру. Заповедниками стали признаваться участки природы, имеющие особую хозяйственную, научную или культурную ценность, использование которых запрещается или ограничивается «в целях сохранения от грозящей порчи или уничтожения». В годы лысенковщины, после памятной сессии ВАСХНИЛ 1948 г., наступила окончательная ревизия всей системы заповедников (*«требуется решительный переход от заповедности вообще к заповедному хозяйству»*). Однако в конце 50-х гг. эти представления начинают изменяться, и Закон «Об охране природы в РСФСР» (1960 г) устанавливает, что территории государственных заповедников *«навечно изымаются из хозяйственного использования в научно-исследовательских и культурно-просветительских целях»*. Официальное ведомственное положение о гос. заповедниках (1962 г.) содержит эту формулировку, но вместе с тем и ряд пунктов, допускающих самые различные формы вмешательства. Как «дань классикам» звучит тезис о необходимости выделения «участков, на территории которых исключается всякое вмешательство человека в природные процессы». В более поздних «Типовых положениях» о заповедниках (1981 г.) такого пункта не содержится. В этом документе также декларируется *«полное изъятие заповедников из хозяйственного использования»*, но вместе с тем допускается проведение в них самых разнообразных мероприятий по усмотрению самих заповедников или соответствующих ведомств.

В 70-80-е гг. проявилась тенденция «расширительного» толкования понятия заповедности, когда этот термин стал применяться не только к различным охраняемым природным территориям, но даже к... видам растений и животных, занесенным в красные книги (В.В. Петров, 1984; и др.). Между тем, «представление о внетерриториальных охраняемых природных объектах – ярчайший пример «неэкологического мышления» (Реймерс, 1992, с. 212). К сожалению, благодаря излишнему усердию отдельных юристов и экологов, именно такой подход нашел свое воплощение в ныне действующем законодательстве (Закон РСФСР «Об охране окружающей природной среды» 1991 г.; Закон России «Об особо охраняемых природных территориях» 1995 г. и ряд других). Наиболее ярким примером такого «неэкологического мышления» является ныне узаконенная трактовка «природно-заповедного фонда», обобщающая в себе не только реальные, но и многие сугубо мнимые категории и форму заповедности. На самом деле подлинная «заповедность», означающая полное прекращение всякой хозяйственной деятельности, обязательно должна быть обеспечена не только конкретной территорией, но и правами землепользования на нее. В наше время это могут быть государственные заповедники, определенные зоны или участки национальных и природных парков, а также федеральные заказники высокого уровня.

¹⁹ Особо охраняемые природные территории: Материалы II Международной конференции. СПб., 2000. С. 14–15.

К сожалению, в данный период продолжается процесс «размывания» и девальвации классических представлений о заповедности. Особенно способствуют этому тенденции к сближению наших заповедников с национальными парками (хотя официально это разные категории ООПТ), а также «смена приоритетов» в их деятельности, обусловленная резким снижением финансирования.

1.8. Природные заповедники России как социально-общественный феномен²⁰

Скончавшийся в начале 2000 г. академик Никита Николаевич Моисеев, признаваемый прямым продолжателем идей и концепций В.И. Вернадского, в ряде капитальных своих трудов, в частности недавней книге «Быть или не быть... человечеству?», настоятельно подчеркивал реальность и значимость стремительно нарастающего экологического кризиса (по его выражению – «проклятья, вызванного цивилизацией»), который все более настойчиво угрожает глобальным кризисом нашей планете и всему человечеству. Для преодоления этого кризиса и спасения вида *Homo sapiens* требуются уже не только радикальные меры по рационализации природопользования, или четкое выполнение программ «устойчивого развития» (точнее, принципа «Sustainable development», что не вполне тождественно принятому русскому переводу), но и решительное изменение принципиальных основ людского бытия, включая морально-нравственные, и прежде всего – во взаимоотношениях человечества и природы.

В своем предсмертном обращении к участникам круглого стола, на котором обсуждалась указанная книга, Н.Н. Моисеев не впервые пророчествовал: «Вся планета, как и наша страна, находится на пороге неизвестности и непредсказуемости... Можно лишь утверждать... что планета и мировое сообщество вступили в новую стадию развития... Деятельность человечества, вероятнее всего, ведет к деградации биосферы и не способна гарантировать существование Человека в ее составе... Человек подошел к пределу, который нельзя переступить ни при каких обстоятельствах. Один неосторожный шаг – и человечество сорвется в пропасть...

...Новая цивилизация должна начаться не с новой экономики, а с новых научных знаний и новых образовательных программ. Человечество должно научиться жить в согласии с природой, ее законами. Люди должны воспринимать себя не господами, а частью природы. Новые моральные принципы должны войти в кровь и плоть Человека» (Мыслитель планетарного масштаба, М. 2000. С. 18–19). Таков общий фон, на котором приходится сегодня рассматривать те или иные конкретные экологические проблемы.

В наши дни одной из наиболее реальных форм сохранения биоразнообразия и земной природы в целом принято считать системы разнообразных особо охраняемых природных территорий (ООПТ), причем наиболее высокой их категорией справедливо признаются государственные природные заповедники. Первый такой заповедник России (Баргузинский) был официально учрежден в конце 1916 г., но фактически истоки отечественного заповедного дела берут начало во второй половине XIX века, в частности, с опытных участков В.В. Докучаева (Насимович, 1979; Штильмарк, 1996). В конце 2000 г. в Российской Федерации организован СОТЫЙ по общему счету действующий природный заповедник; их суммарная площадь составляет 33,5 млн. га, что близко к двум процентам от всей территории страны.

Действующая ныне система государственных заповедников прошла длительный путь развития и всевозможных преобразований. Анализируя этот весьма сложный процесс, мы убеждаемся в том, что главной его чертой была **необычайная противоречивость**, проявлявшаяся буквально во всех аспектах становления и деятельности наших заповедников – от выбора их территорий и законодательных основ до конкретной текущей работы.

Согласно классическим представлениям о заповедности и природных заповедниках, сформулированным в конце XIX – начале XX века В.В. Докучаевым, Г.А. Кожевниковым, И.П. Бородиным, В.Н. Сукачевым и другими видными биологами, заповедники создавались в качестве эталонов природы на ландшафтно-географической основе, причем главным их принци-

²⁰ Современные проблемы географии и природопользования. Барнаул, 2001. Вып. 5–6. С. 202–207.

пом, как мы неоднократно подчеркивали, признавался **принцип невмешательства** людей в заповедную природу, которая как бы передавалась из человеческого подчинения «в пользование» ее коренных обитателей, то есть обитавших на ней растений и животных. Вместе с тем, одновременно предусматривалось учреждение при заповедниках опытных научных станций для проведения долговременных наблюдений и исследований.

Уже в этом исходном постулате было заложено существенное противоречие, ибо научные исследования, проводимые на территории заповедников, неизбежно требуют определенного и подчас довольно значительного вмешательства в жизнь тех или иных «коренных обитателей». Отстрелы и отловы животных, сборы всевозможных коллекций и гербариев (включая даже самые редкие виды), закладка пробных площадей с проведением разного рода экспериментов – все это осуществлялось и осуществляется в наших природных заповедниках как нечто само собой разумеющееся: и только в самые последние годы на это обратили внимание отдельные сторонники взглядов А. Швейцера и соблюдения экологической этики (Швейцер, 1992; Никольский, 1996; Борейко, 1998; Борейко и Поминова, 2000; и др.). Более того, в свете высказываний Н.Н. Моисеева, стоит обратить внимание на развиваемые В.Е. Борейко нетрадиционные представления об «идеологии заповедного дела», согласно которым следует отойти от привычных нам научно-материалистических принципов, заменив их своеобразной «религией природоохраны», когда интересы человека должны уступить место интересам заповедной («дикой») природы.

«Как попугаи мы повторяем байку, что заповедники создаются для науки, а чтобы полюбить природу, ее надо изучить (во что давно уже никто не верит), и одновременно стесняемся или боимся признаться в своих ощущениях дикой природы как священного пространства» (Борейко, Поминова, 2000, с. 5). Если учесть, что наши заповедники с момента их зарождения возникали как научные учреждения, официально оставаясь ими по сей день, а также тот факт, что в них работает около 500 научных сотрудников, осуществляющих экологический мониторинг («Летописи природы») и ряд разнообразных научных программ («Научные исследования...», 1997; «Организация научных исследований...», 1999; и др.), то расхождения и противоречия между общепринятыми взглядами ученых и новаторскими суждениями В.Е. Борейко кажутся совершенно непреодолимыми. Но так ли это на самом деле? Даже в сугубо атеистические советские времена в слова «заповедь» и «заповедник» вкладывался, как писал О.В. Волков (1976), «некий священный смысл». Ни один из энтузиастов заповедного дела, надо надеяться, не откажется от известного афоризма Жана Дорста о том, что природу может спасти от гибели только наша любовь: *«Природа будет ограждена от опасности только в том случае, если человек хоть немного полюбит ее просто потому, что она прекрасна, и потому, что он не может жить без красоты...»* (Дорст, 1968, с. 405).

Но формы антропогенного вмешательства в заповедную природу при научных исследованиях не идут ни в какое сравнение с тем, что на самом деле допускалось и допускается в наших заповедниках, причем на правовой основе, в соответствии с действующим законодательством. Двоемыслие и демагогия, столь присущие советскому строю (когда провозглашалось одно, а делалось нечто совершенно иное), особенно ярко проявились именно в сферах охраны природы и заповедного дела. Почти во всех законах и положениях о заповедниках говорилось о «вечном» и «полном» прекращении «всякой» хозяйственной деятельности, после чего следовали длинные разделы и параграфы, позволявшие не только проводить биотехнические мероприятия и регулирование численности животных (проще говоря – массовые отстрелы или отловы), не только устройство музеев и питомников, но и разнообразное строительство, прокладку коммуникаций, дорог и просек (чего только не делалось в заповедниках также и при лесоустройстве!), рубку и посадку лесов, ловлю рыбы и т. д., и т. и. Десятки, а порой до сотен единиц всевозможной техники, включая гусеничные трактора и тяжелые вездеходы бороздили заповедные земли, и все это считалось (и считается сегодня) в порядке вещей. Редкие призывы

отдельных наивных лиц использовать в транспортных целях лошадей и ездовых собак воспринимаются как некое чудачество.

Обратимся к другому, ничуть не менее явному, но очень слабо отраженному в литературе вопросу относительно выбора территорий под заповедники, самого процесса их организации. Научные принципы здесь известны – от прежних регионально-географических подходов до комплексных экологических, когда заповедники рассматриваются в качестве элементов более обширных **систем ООПТ** (Реймерс, Штильмарк, 1978; и др.). Но что же мы видим в реальности?

Первоначально главными и вполне прагматическими мотивами создания заповедников были интересы охраны наиболее ценных – для хозяйства! – животных (соболя, зубра, бобра, выхухоли, северного оленя, охотничьих птиц в дельте Волги или гаги на Севере). Позднее и вплоть до нашего времени очень важную роль играли факторы субъективности и престижности, когда происходило своего рода «соревнование» тех или иных «субъектов Федерации» (особенно это было характерно для автономных республик). «Почему это у наших соседей есть госзаповедник, а у нас его нету?» – грозно спрашивал некий секретарь обкома (или глава администрации), после чего в центр направлялись соответствующие запросы и ходатайства. Иногда существенную роль могла играть инициатива отдельных энтузиастов, но так или иначе сугубая субъективность или конкретные интересы хозяйственников, как правило, преобладали над любыми доводами науки. Правда, усилиями ученых были разработаны известные «перспективные планы» сети заповедников СССР и Российской Федерации, а также официальные «Генсхемы», но более половины из намеченных вариантов по сей день остались на бумаге (Штильмарк, 1997; Сыроечковский, Штильмарк, 2000; и др.).

Приведем лишь некоторые примеры из противоречий этого рода. Ни в каких научных планах и генсхемах мы не отыщем многих заповедников, созданных в последнее десятилетие – таковы, в частности, «Бастак» (Еврейская автономная область); «Большая Кокшага» в Республике Марий-Эл; Джергинский в Бурятии; «Норский» (Амурская обл.); «Нургуш» (Кировская обл.); Полистовский в Псковской области и смежный с ним Рдейский в Новгородской; Присурский в Чувашии; Тигирекский в Алтайском крае (намечался как национальный парк); «Эрзи» в Ингушетии. Крайне неудачно выбрана территория бездействующего Гыданского заповедника (Ямало-Ненецкий авт. округ), между тем как остаются неосуществленными такие насущные и весьма важные для охраны природы объекты, как проектируемые заповедники на Южном Ямале и в дельте Селенги (недавно там начаты буровые работы в поисках нефти, несмотря на то, что эти участки относятся к нескольким категориям ООПТ); чуть ли не сто лет предлагается Барабинский лесостепной заповедник и ряд других вариантов. Из ранее необоснованно ликвидированных заповедников не восстановлены Саянский, Клязьминский, «Тульские засеки», «Бузулукский бор» и ряд других.

Стоит напомнить, что в столичной Московской области ранее имелось 7 заповедников, а сейчас невозможно создать хотя бы еще один в дополнение к единственному Приокско-Террасному, попытки расширения которого окончились неудачей. Короче говоря, развитие заповедной системы шло и продолжает идти по явно антинаучному пути компромиссов с разными уровнями власти, и это противоречие непреодолимо уже почти столетие...

Такое положение лишь отчасти можно поставить в укор нашим природоохранным ведомствам, тем более что структуры их постоянно меняются (вспомним, что Государственный Комитет по охране природы, создание которого предлагалось еще до 1917 г., был учрежден лишь в 1988 г. и после ряда преобразований недавно расформирован). Все указанные противоречия явственно отражают тот социально-общественный феномен, который представляет собой наша заповедная система. Достойны большого уважения работающие в ней энтузиасты, причем не только те, кто трудится непосредственно в заповедниках, но и деятели управленческой сферы, так или иначе тянущие эту нелегкую лямку. Конечно, предпочтительнее было бы,

как писал мне в 1964 г. покойный Н.Ф. Реймерс, работавший тогда на Сахалине, *«чтобы наш экологический воз тянула лихая тройка, но не лебедь, рак и щука»*.

Ведь указанные недостатки и противоречия есть прежде всего отражение всей социальной ситуации, сложившейся в нашей стране, в частности, в сфере экологии. Мы наблюдаем явный откат общественного экологического движения от «бума» конца 1980-х гг. к нынешнему положению, когда на глазах возвращаются лозунги лысенковских времен о покорении природы и доводы в пользу возобновления былых «строек века» (одна из них – сооружение Юмагузинского водохранилища на реке Белой, не уступающей красотой Катуню) или даже поворота северных рек. Поэтому перед заповедным делом ныне могут возникать – и возникают! – новые немалые проблемы. Одной из самых серьезных угроз нам представляется тенденция на «конвергенцию» природных заповедников и национальных парков (НП), которые стали создаваться в Российской Федерации лишь с начала 1980-х гг. Здесь также заложено серьезное противоречие, которое может привести к последствиям весьма печальным для природы и общества. Ведь наши заповедники, при всех изъянах, все же в большинстве своем отражают величие относительно первозданной природы, которой в мире осталось так мало, а в Европе нет вовсе.

Главное же назначение национальных парков – сохранение природы не ради нее самой, а в интересах общения с людьми. Туризм – пусть даже «экологический» (хотя термин этот весьма сомнителен уже в своей основе) – всегда представляет собой вполне определенную форму хозяйственной деятельности, юридически недопустимую в природных заповедниках и губительную для них. Почему-то эту несложную истину чаще признают зарубежные ученые. Вот лишь одно высказывание: *«...когда построится последний гостевой домик и будет создано множество удобств, необходимых туристам, заповедники перестанут существовать, ибо именно отсутствие человека определяет систему заповедников»* (О. Родес, цит. по А. Горяшко, 2000; см. также Д. Харпер, 2000 и др.). Не место гостям-туристам в заповедниках, что же касается форм и методов научной деятельности, то при желании можно избежать серьезных уронов.

Еще один парадокс из сферы «заповедных противоречий»: фактическое перерождение заповедников в национальные парки началось в системе... Российской академии наук (правда, не от хорошей жизни, а из-за отсутствия государственной заботы). Вот что с горечью писал зоолог Ю.Д. Чугунов, в прошлом главный проектировщик Дальневосточного морского заповедника: *«...пришла пора сказать: заповедники себя изжили и должны перестраиваться в национальные парки. По этому пути уже идет наш Дальневосточный морской. Так, на острове Попова создана экскурсионная зона...»* (Чугунов, 1998). Добавим, что не только сам ДВГЗ идет, но и других зовет за собой. Вот пример его официальной тематики: «Распространение опыта развития эколого-познавательного туризма и эколого-экскурсионной деятельности в заповедники Дальнего Востока». Ожидаемые результаты: *«Увеличение числа экскурсантов и экотуристов на базе вовлеченных заповедников до 5000 чел. в первый год реализации проекта»*. Вроде бы излишни комментарии! Но на эту тематику был выделен грант в 49 тыс. «зеленых» (подобная тематика, как правило, охотно и щедро спонсируется). По существу, не имел (и не имеет) заповедного режима «строгий академический» Ильменский заповедник – один из первых в СССР.

С прагматической точки зрения общественная роль национальных парков на данном этапе более существенна по сравнению с подлинными природными заповедниками, несмотря на все их высокое предназначение. Во всяком случае, нацпарков в стране должно быть больше по сравнению с заповедниками и по количеству, и по площади (сейчас их число почти в три раза меньше, чем заповедников). При должной постановке дела они вполне могут не только обеспечить материально сами себя, но и поддержать финансами другие типы ООПТ, включая заповедники. Именно национальные парки (а не заповедники – будь то научные или «священные») способны стать «гордостью народа и символом нации», тогда как рекламировать завет-

ные заповедные земли вообще есть дело сомнительное (впрочем, и в этом пункте скрыто явное противоречие).

«По идее» – сугубо теоретически – часть наших заповедников несомненно может быть преобразована в национальные парки. Яркий пример тому – экскурсионный участок заповедника «Столбы», который всегда имел статус НП, а не заповедный. Обследуя массивы брянских лесов, мы убедились, что форма национального парка здесь гораздо предпочтительнее заповедника, надо было бы только выделить в таком парке (он мог быть весьма обширным) ряд заповедных участков или зон. Думается, что это же относится и к ряду других территорий Европейской России, где лишь недавно созданы заповедники, неизменно вступающие в острые конфликты с местным населением (Керженский, Калужские засеки и ряд других). Другое дело, что понижение статуса может привести к нежелательным последствиям – значит, надо было сразу создавать не заповедники, а национальные (федеральные) или природные (муниципальные) парки; последние приобретают популярность в ряде регионов Сибири и Дальнего Востока. Заметим также, что **подлинные** природные заповедники, как правило, не могут занимать огромные пространства на миллионах гектаров, и не только потому, что невозможно обеспечить реальную охрану, – такой гигантизм может вызвать общественный протест и дискредитировать саму идею настоящей заповедности. Более того, в отдаленных районах Крайнего Севера или ДВ создание госзаповедников при современных реалиях способно даже увеличить антропогенный пресс на относительно нетронутую ранее природу.

Ограниченность публикации не позволяет детально обсудить противоречия в подходах разных авторов и специалистов к проблеме создания новейших концепций системы охраняемых природных территорий и оценить роль тех или иных научных или общественных организаций в разработке этой тематики (см. «Охраняемые природные территории...», 1998; Дежкин, 1999; Дежкин, Пузаченко, 1999; и др.). Отметим лишь, что предложения некоторых из указанных авторов о ревизии общепринятых взглядов на заповедное дело и предлагаемая классификация природных заповедников вызывает возражения ряда специалистов. Подчеркивая значимость роли Российского представительства Всемирного фонда дикой природы (WWF) и Центра охраны дикой природы (ЦОДП) в попытках оптимизации заповедной системы России, мы склонны с определенной опаской относиться к широкой пропаганде зарубежного опыта в этой сфере. Особую настороженность вызывает явно чрезмерная активность Центра «Заповедники» в стремлении поставить на первый план в деятельности наших природных заповедников экологическое просвещение: экопропаганду и экотуризм. Положительной стороной деятельности WWF и ЦОДП – надо надеяться! – должны быть признаны обширные проектные разработки по созданию систем ООПТ в ряде российских регионов, в частности на Алтае и в Саянах («Теория и практика...», 1999; Шурин, 2000; и др.).

Выше упомянутый нами автор (Горяшко, 2000) завершает свою интересную статью тезисом о том, что наши заповедники можно рассматривать *«как первые примеры общества будущего, где люди уже сегодня научились жить в согласии с природой, ограничили свое присутствие и свои потребности ради гармоничного сосуществования всего живого»*. С этим можно согласиться лишь с очень существенной оговоркой, а именно: при условии, что люди живут ВНЕ заповедника, предоставив его природе не только из научных и экологических целей, но и ради высоких нравственных соображений. Но пока что в наших заповедниках все-таки хозяйничают именно люди, а не живая природа. Тем не менее уже сегодня можно рассматривать отечественные природные заповедники как определенный шаг на трудном пути **коэволюции человека и природы**, что, по представлениям Н.Н. Моисеева, приближает нас к понятию В.И. Вернадского о ноосфере.

«Изучение проблем коэволюции человека и биосферы открывает новое и, возможно, важнейшее направление фундаментальных исследований. Все предшествующее развитие научной мысли мне представляется предисторией развития науки, цель которой должна

состоять в том, как обеспечить такую коэволюцию» (Моисеев, 1999, с. 253). Думается, что наши заповедники могут внести существенный вклад в исполнение таких сверхзадач, особенно в том случае, если бы удалось преодолеть противоречия и разногласия между сторонниками научных, морально-этических и религиозных принципов заповедания.

1.9. Абсолютная заповедность – последний оплот реальной охраны дикой природы²¹

Проблема защиты дикой природы достойна **большой** философии, а не нашей сугубо доморощенной, на уровне личных представлений. На тему «дикой природы» и отношения нашего к ней размышляли Шатобриан и Байрон, Шопенгауэр и Швейцер, Булгаков (философ, конечно, а не писатель!) и Флоренский, когда же Леонов пишет «любите природу дикую, а людей культурных», то хотя это и верно, однако выражает «простоту хуже воровства». Здесь проблема не только этически-моральная, но и религиозно-нравственная, проблема **духа и тела**, даже, если хотите, своего рода «борьба противоположностей». Да, охота – это страсть, но ведь чувства могут быть и сильнее разума, **любовь тоже** страстное чувство, а ведь прав Жан Дорст, что **природу спасет только наша любовь**, то есть **чувство, а не расчет!** Если мне придется все-таки писать о дикой природе, надо обратиться к творчеству двух братьев Кожевниковых, старший из которых был философом-идеалистом, а второй – экологом.

Хочу еще раз обратиться к Г. А. Кожевникову как***лассику нашего отечественного заповедного дела. Нужно постоянно разъяснять, что есть «абсолютная заповедность», я ведь за всю жизнь – учтите это! – не добавил ни одного слова к тому, что говорил и писал об этом Г.А. Кожевников. Замечу, что в научно-методических записках «Заповедное дело» (Вып. 2. М., 1997) были помещены мои материалы о Г. А. (причем в оглавлении нет даже упоминания обо мне как авторе статьи о Кожевникове и составителе подборки его материалов). Не уместно ли сейчас еще раз напомнить: *«Основной задачей охраны природы является сохранение отдельных участков ее в неприкосновенности (это и есть «абсолютная заповедность»! – Ф. Ш.) в целях научного изучения... Если мы взглянем глубже, то увидим, что познание природы есть основа как правильного миропонимания, так и материального благополучия отдельных людей и целых народов».* «*Л у нас, – писал Г.А., – «заповедным» официально считается Лосинный остров, превращенный в дачный поселок».* Именно этот же тезис преподносят с важным видом сегодня руководители отечественного заповедного дела.

«Охранять **первобытную дикую природу** ради нее самой, смотря на прикладные вопросы как на стоящие на втором плане, – вот основная идея охраны природы». Отказ **от абсолюта** ради узких экономических интересов (это и экотуризм, а подчас и экопросвещение, чаще всего профанируемое ради элементарной выгоды. – *Ф.Ш.*), с моей точки, зрения **есть полный крах** идеи охраны природы. Всякое «хозяйство» (в том числе и так называемое «заповедное». – *Ф.Ш.*) по существу своему в корне противоречит идее охраны природы. Человеческое хозяйство есть всегда уродование природы. **Только невмешательство в жизнь природы сделает природу научно интересной.** Если мы с этой позиции сойдем, то никогда не осуществим охрану природы в истинном смысле этого слова. Пусть это крайнее мнение, но оно истекает из сути дела. И мне было весьма грустно слышать, что вместо того, чтобы отстаивать идею **полных** заповедников для охраны **первобытной** (конечно, в условном смысле «первобытной», ибо глобальные формы тех или иных загрязнений и вмешательств проявлялись уже во времена Г.А. – *Ф.Ш.*) природы и изучения ее, отстаивать хотя и трудный, но **принципиальный** подход к делу, сразу переходят на защиту идеи более легко осуществимой, но чуждой всякого идейного интереса...» В данном случае некоторые экологи, отказываясь от идеи абсолютной заповедности, защищают интересы ненавистных им охотничьих хозяйств. Ведь когда В.В. Докучаев и Г.А. Кожевников предлагают предоставить территории «абсолютно заповедных» участков природы в безраздельное владение «коренных обитателей!» (растений и живот-

²¹ Гуманитарный экологический журнал. 2001. Т. 3. Спецвыпуск. С. 111–113.

ных), они вовсе не отвергают наличие **научных станций**, проведение научных исследований, конечно же избегая при этом отстрелов и отловов, рубок и покопок. Печально, что нашу заповедную природу надо охранять не только от браконьеров, которых порой гонит голодуха, но и от иных доцентов с кандидатами... Известно немало печальных примеров более чем активного научного вмешательства в живую природу заповедников, и нередко наука оправдывает откровенное природопользование под видом всевозможных «регулирующих» и «управлений биоценозами». Поэтому-то столь необходимо само по себе понятие **абсолютной заповедности** как едва ли не последнего оплота **реальной и действенной охраны дикой природы**.

Надеясь, что советские (пусть «пост», один черт) люди увидят в дикой природе нечто Священное, что они примут Религию природоохраны, увидят в В. Борейко или С. Забелине новых «Гуру», конечно, более чем наивно. Общество СНГовное не только бездуховно и тупо, но и предельно материалистично + технократично. Ведь почему я отстаиваю науку заповедную и заповедность «от людей для людей» (кстати, сей мотив звучит и в Законе США)? Потому что не поймут иного и не примут, раздавят, как Чечню! Вот сегодня, слышно, обсуждают вопрос ООПТ в правительстве похоже, что речь идет о передаче заповедников в Министерство госимущества, конечно, ради приватизации и коммерциализации, торговли ими – вот наша реальность, а не Священное пространство...

Разве я не знаю, что такое «заповедная наука» с учеными советами из бухгалтеров, сборами никому не нужных коллекций и методами сплошного отстрела? Когда мы плыли по Логате, то видели волков, «пасущих» стада диких оленей, а первое, за что взялся Таймырский «заповедник» – авиаотстрел на деньги, выделенные для патрулирования (и начальник отдела заповедников из главка в этом участвовал непосредственно). Примеров таких множество, но я рассматриваю заповедную науку лишь как **форму наименьшего зла**, ибо было бы хуже, если вместо этих жуликов пришли бы нефтяники и газовики. Наука – единственная реальная защита заповедности в нашем обществе, недаром Кожевников и Макаров обманывали – до поры до времени! – этим большевиков, пока не пришел «невинный» Малиновский. А у наших сегодняшних (не только министра МПР Яцкевича, но и у президента Путина!) психология абсолютно Малиновская (она же – мичуринско-лысенковская): кроме уплаты парижских долгов и сбора налогов, для них сегодня ничего более священного нет и не предвидится. Ельцин и тот был человечнее, хоть и груб, но не рядовой советский материалист, как эти.

И все-таки развернуть на примере **США** саму по себе **идею** охраны дикой природы совершенно необходимо и своевременно, надо только придать ей более рациональную и приемлемую для общества форму, не ориентироваться только на некое «светлое будущее», а попытаться внедрить как уже принятую Западом (приходится прислушиваться!) и проверенную в реальности. Хотя в наших условиях это, скорее всего, будет чистая профанация, ибо даже с официальными ООПТ никто не считается, а так можно **ВСЕ** объявить особо охраняемым и повсюду творить что вздумается.

1.10. Сочетание научных и морально-этических аспектов в заповедном деле²²

Наше заповедное «древо» выросло из трех основных корней: материального, научного и этического. Об этике и эстетике охраняемых территорий неоднократно писали и говорили Г.А. Кожевников, Андрей и Вениамин Семеновы-Тян-Шанские и другие основоположники отечественного заповедного дела. Но в советский период основное внимание уделялось материальным и научным аспектам, тогда как этические почти не затрагивались. Только в последнее время, на фоне общеизвестных общественных перемен, в частности, в условиях гласности и при заметном возрастании роли церкви, морально-этической стороне заповедного дела стали уделять серьезное внимание. Приведем несколько цитат в подтверждение этого.

«Наша отечественная защита природы становится все менее духовной, чистой и все более прагматичной... Над нашей природоохраной довлеет меркантилизм, марксизм, антропоцентризм и комплекс двойных стандартов. Отечественная идеология охраны природы заблудилась и никак не может выбраться из чащи сомнительных лозунгов и мифов эпохи развитого социализма типа «рационального использования природных ресурсов на благо народа... Как попугаи мы заученно повторяем байку, что заповедники создаются для науки, а чтобы полюбить природу – ее нужно изучить (во что давно уже никто не верит), и одновременно стесняемся или боимся признаться в своих ощущениях дикой природы как священного пространства. Мы по-прежнему слепо верим в полицейские и экономические меры защиты природы и не задумываемся о ее нематериальных духовных ценностях» (Борейко, Поминова, 2000, с. 5).

Наука и экологическая этика, повторимся, должны не противостоять, а естественным образом дополнять друг друга. Изучение природы есть своего рода как бы оправдание мнимого «изъятия» заповеданных земель из хозяйственного оборота (на самом деле, как показал Н.Ф. Реймерс, это только иная, совершенно особая форма природопользования «от людей – для людей»). В идеале же в заповеднике может не быть ни охранников, ни наблюдателей, конечно, при условии, что туда не проникнут нарушители – картина пока что явно утопическая, но надо помнить, что идеалы создаются не для немедленного воплощения в жизнь, а лишь для обозначения избранного пути (в данном случае идеал **абсолютного** заповедника).

Здесь уместно коснуться темы о религии, самым теснейшим образом связанной с этикой. Вот что писал православный священник А. Мень: *«Гэсподъ привлекает наше внимание к окружающей нас природе, в которой так много есть уроков, в которой заключена Божественная мудрость и Божественная красота... Господь говорит нам: «присмотритесь, оглядитесь вокруг себя – многому природа может научить человека!» Прежде всего она наша мать и сестра, она тоже вышла из рук Творца, и мы, глядя на прекрасные творения, прославляем Того, кто их создал... И когда человек научается так смотреть на это, его сердце как бы постоянно находится перед великой иконой природы». Эта глава из проповеди евангельских истин так и называется «Природа-икона». В ней утверждается, что красоты природы влекут к себе иных людей гораздо более, чем рукотворные иконы (которые, конечно, следует глубоко чтить). Среди всех творений нет более прекрасного произведения, чем сама природа. Кто мог создать что-либо более прекрасное, чем восход солнца?... В часы усталости, душевного угнетения, мрачности, когда бури повседневности душу нашу гнетут, – воспользуйтесь моментом, пройдите, вот рядом, за кладбищем – лес, и сразу с души, как будто живой влагой, смывается пыльная накипь дня»* (А. Мень, 1991, с. 152).

²² Заповедное дело в общественном сознании: этические и культовые аспекты: Материалы международной школы-семинара «Трибуна-8», Киев, 27–30 мая 2002 г. Киев: Логос, 2002. С. 9–12.

Разве не звучит здесь голос верующего эколога (напомним, что А. Мень, будучи студентом, обучался биологии в Балашихе и Иркутске), разве невозможно включить эти слова страдальца-священника в сугубо научный «Экологический манифест» Н.Ф. Реймерса, который был по натуре своей атеистом (хотя к религии относился уважительно), но искренне **веровал** в торжество человеческого разума, в «экологический императив», в конечную победу добра над злом. Каждый человек «во что-то» **верует**, и это уже само по себе есть свидетельство единства науки и биоэтики.

Одной из ярких разновидностей человеческой веры является чувство благоговения перед дикой (первозданной) природой²³.

Это может быть и наивное удивление перед творческой силой Всевышнего, и более материализованное ощущение величия окружающего нас мира, о чем так ярко писал в начале века В.И. Талиев, говоря о природе как «источнике сознательных и бессознательных переживаний **высшего порядка**». Красота природы имеет собственную высокую ценность, является особым «духовным» богатством. **Заповедание** с давних времен означает именно такую **высшую**, то есть **духовную**, форму сохранения особо ценных природных объектов, и это очень наглядно выражено в широко известных выражениях из словаря В. И. Даля (заповедный лес, в котором настроено запрещено рубка, назывался «божелесьем» или «моленным лесом»). Впрочем, определения заповедности давались на Руси и задолго до Даля, о чем наглядно свидетельствует «Лесной журнал» № 9 от 1837 г.: *«Из лесов казенных выделяются заказные рощи в неприкосновенный запас... и тогда рощи сии получают от поселян название **заповедных**. В сем названии заключается для жителей селений **нечто священное**, ибо рощи, получившие такое название, согласно предначертанию своему, становятся **неприкосновенными**... Автор проверял районы Тверской губернии и ни в одной заповедной роще не нашел ни одного срубленного дерева со времени заказа. Крестьяне до них не касаются, название «заповедный» есть для них добрый гений, охраняющий от порубок и иных истреблений»* (статья Г. Вильдермета «О пользе выдела заказных рощ») ... Очень близкие этические основы заповедного дела позднее отстаивал А.П. Семенов-Тянь-Шанский («Свободная природа как великий живой музей»).

Многие философы считают, что ответственность за современный экологический кризис, который проявляется все более явственно, несет именно христианская религия, провозгласившая полное господство человека над природой. Этот упрек, увы, относится и к науке.

«Современная наука и техника столь пропитаны ортодоксальным христианским высокомерием в отношении к природе, что не следует ждать разрешения экологического кризиса только от них одних. Корни наших бед столь основательно религиозны, что и средства избавления тоже должны стать религиозными по своей сути» – пишет Л. Уайт-младший (White L. Jr, 1967, цит. по сб. «Глобальные проблемы...», 1990, с. 202), призывая, как и В.Е. Борейко, к своеобразной смене религиозных вех. Этот автор видит главного покровителя для экологов в учении святого Франциска Ассизского (что и было провозглашено Папой Иоанном Павлом Вторым в 1979 г), близки к этому неоязыческие призывы Борейко о «священном пространстве» дикой природы. Не менее радикально высказывался на эту тему и Н.Ф. Реймерс: *«Совершенно очевидно, что на очереди создание «общечеловеческой» синтетической религии, вернее **надрелигиозной идеологии**, объединяющей все религии мира... Нужна светлая религия добра, без жертв во имя Его... Добро для добра, добро всем! Хватит истязаний!»*

На всем этом фоне деятельность Киевского эколого-культурного центра во главе с В.Е. Борейко в области экоэтики и «природоцентризма» видится нам с позиций экологии и заповедного дела более прогрессивной и правильной по сравнению с доводами его критиков, несмотря

²³ Провести строгую грань между дикой и «недикой» природой в наше время очень трудно или даже невозможно. Определение «дикости» как полной безлюдности зачастую условно, такие места все труднее найти, в «глуши» подчас могут жить люди, а цветок одуванчика у обочины дороги человек с чистой душой рассматривает как «первозданный», как «Божье творение».

на всю их внешнюю рациональную убедительность. Над нами действительно, доминирует примитивный материализм – весьма тяжкое наследие советского времени, когда все, что выходило за рамки «передового учения», категорически отвергалось. Уже сам факт «крамольной» экологической пропаганды школы В.Е. Борейко безусловно весьма значителен и отраден.

Однако подобно тому, как человек при бессмертной своей душе имеет грешное живое тело, нуждающееся в известных потребностях, так и материалистическая сторона нашей жизни не может быть отвергаема. Наука в заповедниках очень долгое время была главным доводом и основным оправданием их организации и деятельности. Нынешние тенденции преобладания экопросвещения, экопропаганды и экотуризма ведут лишь к весьма опасной конвергенции и подмене заповедников национальными парками. Последние сегодня в общественном плане более значительная форма ООПТ, чем заповедники, но подменять одно другим совершенно недопустимо (это тема другая, хотя и очень серьезная).

У каждой палки два конца, но истина обычно располагается посередине. Нельзя переходить определенные грани в полемике, надо уважать оппонентов, выслушивать их, стремясь найти пользу в некоем промежуточном равнодействии. Научные и этические аспекты в заповедном деле должны быть уравновешены в интересах нашего единого дела и общего дома-экоса.

1.11. Понятие абсолютной заповедности... юридически почти утрачено²⁴

*...Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.*

О. Мандельштам

«И снова я подивился, какую же чудную планету подарил Господь этой неблагодарной звероподобной свинье, под названием человек, что от рождения своего подрывает корни под собой, похабит землю, которая его кормит, терзает прекрасный лик матери-природы. Теперь уж и не знает... как избавиться от надвигающейся гибели это двуногое существо, смевшее называть себя разумным, чтобы погибнуть в безумии».

Так писал мне из красноярской больницы всего за несколько месяцев до своей кончины любимый мой современный писатель Виктор Петрович Астафьев (мы переписывались больше 20 лет, не раз я сподобился общаться с ним и лично). Столь обличительные слова по адресу всего рода человеческого этот великий сибиряк произнес не впервые. Он не раз называл людей «страшным проклятием земным и небесным... Природа сделала трагическую ошибку, вложив разум именно в это двуногое существо, и теперь сама, стеной, плача, корчась в судорогах, не в силах ни сдержать, ни исправить деяния своего выродка, так и не обуздавшего в себе первобытного дикаря» («Вечно живи, речка Виви!», 1989. С/с, Т. 12, С. 9).

Астафьев всегда живописал не просто с предельной искренностью, но поистине кровью и болью надорванного жизнью сердца. Лишь по противоречивой и «супротивной» своей натуре я не мог принять столь суровые обличающие слова без раздумий и сомнений, равно как не способен воспринять трагическую его предсмертную эпитафию (не стану ее приводить, она сейчас общеизвестна). Что бы сказали, прочитав это, великие наши религиозные философы, такие, как Павел Флоренский или Сергей Булгаков? «Окстись, Петрович, не бунтуй, – вероятно, было бы ему ответом, – ведь человек создан по образу и подобию Божию, так возможно ли так его поносить?» Тем паче что Астафьев не раз осуждал атеистов-безбожников.

Правда, у нашего классика были предшественники, например, знаменитый француз Жан-Батист Ламарк, еще в начале XIX века предупреждавший об угрозе самоистребления человечества. Цитата из второй части его «Аналитической системы положительных знаний человека» обычно приводится в сокращении, мне же хочется дать ее полностью, хоть она и длинна.

«Человек, ослепленный эгоизмом, становится недостаточно предусмотрительным даже в том, что касается его собственных интересов; вследствие своей склонности извлекать наслаждение из всего, что находится в его распоряжении, одним словом – вследствие беззаботного отношения к будущему и равнодушия к себе подобным, он сам как бы способствует уничтожению средств к самосохранению и тем самым – истреблению своего вида. Ради минутной прихоти он уничтожает полезные растения, защищающие почву, что влечет за собой ее бесплодие и высыхание источников, вытесняет обитавших среди них животных, находивших здесь средства к существованию, так что обширные пространства земли, некогда очень плодородные и густо населенные разного рода живыми существами, превращаются

²⁴ Гуманитарный экологический журнал. 2005. Т. 7. Вып. 2. С. 4–8.

в обнаженные, бесплодные и необитаемые пустыни. Подчиняясь своим страстям, не обращая внимания ни на какие указания опыта, он находится в состоянии постоянной войны с себе подобными, везде и под любым предлогом истребляя их, вследствие чего народности, весьма многочисленные в прошлом, мало-помалу исчезают с лица земли. Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека как бы заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар необитаемым» (именно выделенная заключительная фраза цитируется чаще всего). Мы убеждаемся, что спокойные фразы старого французского ученого, жившего два столетия тому назад, полностью согласуются с взволнованной речью художника слова – нашего современника.

В Западной Европе давно уже нет неосвоенных территорий, по сути, нет и дикой природы, на всем лежат отпечатки и следы человеческих рук. Иные наши сограждане видят в том достоинство и готовы принять за образец именно окультуренный ландшафт, радующий глаз ухоженными садами и плантациями, отсутствием лесных чащоб, замененных парками и клумбами. Этому весьма содействовало недавнее сугубо материалистическое воспитание, когда многим поколениям советских людей внушали, будто бы весь смысл их жизни состоит в том, чтобы «покорить», «преобразовать», «повернуть вспять», что на месте отброшенной за Байкал тайги должны возникнуть голубые города с фабриками и заводами.

В двадцати семи (!) изданиях школьного учебника «Родная речь» печатался отрывок «Наступление на тайгу» из романа В. Ажаева «Далеко от Москвы», где тракторист, охваченный страстью разрушения, кричит во все горло: «Так ее, тайгу! Врешь, поддашься, не устоишь! Круши ее!..» Эти призывы воплощались в жизнь не только в годы сталинских пятилеток, но и позднее, например, при прокладке памятного БАМа, который сибирские экологи и этнографы до сих пор считают «ударом ножа в спину Сибири». Как ни боролись защитники природы за Байкал, но проиграли эту неравную битву, и человечество никогда не простит советской власти и ее вождям фактической гибели уникального озера. Конечно, за полвека такого гиганта не убьешь насмерть, но никогда уже не увидят людям того Байкала, какой открылся впервые мне, коренному москвичу, в середине прошлого века. Седобородые почтенные академики учили тогда нас, молодых, поставить на службу человеку все силы и ресурсы природы. Призывы «не ждать милостей» от нее висели даже в кинотеатрах.

Знаменитый геолог В.А. Обручев (автор столь популярной «Плутонии», где ученые, попав во вновь открытый мир, буквально устилают свой путь трупами неведомых науке животных) в своем завещании молодежи мечтал о том времени, когда человек научится управлять погодой. Кто только – от школьных учителей до руководителей страны – не внушал, что тайге с ее замшелым хламом и комарами нет места в нашем светлом будущем. В тексте отчетного доклада, подготовленного умными головами для выступления Брежнева на очередном съезде КПСС, где часто звучали дежурные фразы об охране природы, помнится, было сказано, что живая природа должна представлять собой не что иное, как «цветущий сад», и сей тезис сразу же подхватили, словно попугаи, не только газетчики, но и природоохранители. Во всех газетах были тогда дежурные рубрики «С любовью к природе», «Бережем природу», «Так поступают советские люди...» (посадили, например, где-то дерево, подобрали и выходили брошенного птенца или звереныша – что общего тут с охраной-то?).

Не то теперь! Тему охраны природы начисто заменили санитарно-гигиенические аспекты, связанные с «окружающей средой», качеством воды и воздуха, всевозможными загрязнениями – от дымовых до шумовых. Слово «экология» – будь она «хорошая» или «плохая»! – стало поистине безразмерным и беспредельным, оно затаскано так, что каждый может его понимать по-своему. С легкой руки академика Д.С. Лихачева (Царствие ему Небесное) пошло гулять понятие «экология культуры» (варианты – литературы, театра, кино), хотя не грех было бы обратить внимание на **культуру экологии**. Огромная рать оставшихся не у дел философов-марксистов переместилась на экологическую тематику, ибо в охране природы, как

и в футболе, оказывается, разбираются все... Даже профессиональные зоологи и ботаники, учитывая трудности и тяготы дней текущих, были вынуждены искать себе совсем новые экологические ниши. Пример тому – массовая разработка всевозможных «Красных книг» и их бесчисленных разновидностей (от книжек-раскрасок для дошколят до вузовских учебных пособий). Когда-то начиналось с единой общегосударственной книги, в которую заносились редкие и исчезающие виды животных и растений (учтем, что книга эта должна представлять сигнал бедствия!). Вслед за ней возникли Красные книги республик – сперва союзных, потом и автономных. С появлением в новой России самостоятельных «субъектов Федерации» наступил черед краевых и областных Красных книг, а теперь составляются таковые для... городов (например, Москвы), районов, а там, видимо, дойдет и до сельсоветов, улиц, отдельных домов... Не вникая в детали, заметим только, что все приводимые в этих **красивых и очень дорогих** книгах сведения требуют постоянного обновления, стало быть, их надо дополнять, переделывать и переиздавать – вот вам и широкий фронт работ для профессионалов, и это при нынешнем-то развитии информатики!

Нет более медленного и затратного способа распространения такого рода сведений, чем типографские переиздания с красивыми картинками и картосхемами. Почему не публиковать и не запускать в интернет лишь конкретные списки и материалы, рассчитанные на специалистов и распространяемые именно для них, а не для широкой публики, часть коей использует Красные книги в качестве пособий отнюдь не охранительного свойства? Ведь редкие виды растений и животных пользуются особым спросом, на них можно очень неплохо заработать. Поэтому эти книги бедствий подчас превращаются в пособия для браконьеров. Но это – частный пример.

Еще больше злоключений происходит с особо охраняемыми природными территориями – до недавнего времени едва ли не основной и наиболее реальной формой сбережения природы. В свое время (примерно когда вышла в свет наша с Н.Ф. Реймерсом монография «Особо охраняемые природные территории». М., Мысль, 1978) в стране имелось несколько широко известных форм и объектов территориальной охраны – заповедники, заказники, памятники природы, защитные и запретные зоны. Теперь же недавно изданный официальный справочник насчитывает до 250 категорий ОПТ (охраняемые природные территории – аббревиатура эта стала общепринятой).

Согласно нынешнему законодательству, «природно-заповедный фонд» нашей страны составляется из всей суммы ОПТ, среди которых явно преобладают земли, где продолжается разнообразная хозяйственная деятельность. Тем самым, по сути, исчезло, как бы «растворилось» принципиальное понятие о строгой заповедности, представляющее собой полное прекращение какого-либо хозяйства (включая и туризм как несомненную и активную форму людской деятельности). Каждый из ста ныне действующих российских заповедников – от первого из них, Баргузинского, созданного на исходе царской власти, до последнего, «Эрзи» в Ингушетии, организованного в декабре 2000 г. (заметим кстати, что уже почти три года, как в стране не создано ни одного нового заповедника!), – возникал и утверждался в долгих муках. Их предназначением было прежде всего избавить природные участки различных регионов и ландшафтов от воздействия человеческих рук, дать возможность природе творить и действовать по собственному усмотрению.

Классики нашего отечественного заповедного дела считали первостепенным условием подлинной заповедности изначальный принцип неприкосновенности заповедной природы, не терпящей вмешательства наших рук, остающихся торопливыми и суетливыми даже в тех случаях, когда они действуют из самых лучших побуждений и намерений. У природы иные мерки, иной отсчет времени.

Основополагающий для заповедников принцип неприкосновенности был грубо отвергнут и сметен еще в начале сталинских пятилеток, а в настоящее время считается не более чем

анахронизмом и не рассматривается всерьез даже в новейших словарях-справочниках. Каждый государственный заповедник не только имеет свою территорию со всевозможными природными объектами, но представляет собой определенное официальное предприятие с довольно большим штатом работников, занимающихся отнюдь не только охраной и наукой, но и своего рода хозяйственной деятельностью. Иные наши заповедники имели гораздо больше транспорта и строений, чем соседние колхозы или совхозы.

Будучи в советское время всегда строго бюджетными организациями, заповедники оказались в очень трудном положении на новых этапах социально-экономического развития страны, когда внимание к ним государства ослабло и финансирование резко сократилось. Их главной задачей стало самое элементарное «выживание».

Казалось бы, в гораздо более выгодных в материальном отношении условиях находятся национальные парки, которые начали создаваться в Российской Федерации только в начале 1980-х гг. (их сейчас в стране насчитывается 35). Они могли бы не только сохранять природу и содействовать общению с нею населения, но и давать при этом определенный экономический эффект. Однако наши традиции природопользования, не говоря уже о сложностях правового и экономического регулирования, таковы, что эти парки тоже едва сводят концы с концами. Попробуйте-ка доказать приезжим (а тем более – местным) людям, что за пользование природными благами, например, теми же грибами-ягодами, следует платить, причем не символически, а по рыночным условиям. На вилы поднимут!

И все-таки исконные отечественные принципы строгой заповедности (в кратчайшем виде они выражены знаменитой фразой из словаря Даля – «Помни праотцев – заповедного не тронь!») сохраняются, несмотря ни на что, ибо они соответствуют духовным российским идеалам, преодолению жажды непомерного потребления. Неспроста на новом витке нашей истории мы видим нападки на само понятие заповедности, испытываем всевозможные «искушения», начиная от щедрой помощи западных фондов, исповедующих совершенно иные устои и ценности, до прямой измены своих же специалистов-экологов, ратующих за различные формы использования наших заповедников в практических целях. Но всего опаснее при этом тенденция некоторых ведомств к объединению («конвергенции») государственных заповедников с национальными парками, непосредственно предназначенными для прямого общения людей с природой. Именно такие парки были призваны оградить заповедники от наплыва жаждущих приобщиться к природным красотам, в действительности же происходила подмена понятий и смешение функций в деятельности этих учреждений.

Поскольку национальных парков в стране сравнительно мало (в три раза меньше, чем заповедников), многие субъекты Федерации стали создавать «свои», так называемые «природные» парки, что предусмотрено Законом об ОПТ, принятым в 1995 году. Число таких парков быстро превысило количество имеющихся федеральных, но их статус и характер деятельности остается весьма неопределенным, эта форма ОПТ носит своего рода «поисковый» характер, причем говорить о заповедности в них чаще всего вообще не приходится. Например, в Республике Алтай даже сам термин «природный парк» заменен понятием парка «природно-хозяйственного» – комментарии, как говорится, излишни! Говоря объективно, провести сейчас четкую грань между охраняемыми и хозяйственными территориями вообще невозможно, тем более что понятие абсолютной заповедности, как уже сказано, юридически почти утрачено.

1.12. «Помни праотцев – заповедного не тронь!» (К продолжению давнего спора о проблемах заповедного дела)²⁵

Миновало более пяти лет после публикации полемической статьи известного знатока проблем охоты и охраны природы доктора биологических наук В.В. Дёжкина «Назойливые проблемы (к концепции заповедного дела)» в № 3–4 журнала «Охота и охотничье хозяйство» за 1999 г. Впрочем, острота заповедных проблем и забот за это время только возросла. Помнится, профессор А.Г. Банников советовал коллегам писать о заповедниках только «самое хорошее», чтобы у власть имущих с этим понятием были связаны исключительно положительные эмоции. Не то теперь, когда заповедники стали для нас сплошной болью и бедой, оставаясь тем не менее последней опорой реальной охраны природы. «Заповедники – это наш Сталинград!» – провозгласил знаменитый журналист-эколог Василий Песков, даже обращавшийся к президенту страны с воззваниями на эту тему (правда, ответа он, увы, не получил, зато откликов читателей оказалось множество).

В.В. Дёжкин предложил, по сути, классифицировать наши заповедники и режим этих учреждений в зависимости, главным образом, от состояния природных комплексов и их нарушенности антропогенной деятельностью. В самом деле, каждый из 100 ныне официально существующих заповедников самобытен и неповторим, их разнообразие (как природное, так и по своей общественно-культурной значимости) исключительно велико. Но ведь именно это и не дает возможности осуществить рекомендуемую автором дифференциацию, хотя такого рода предложения имеются в научной литературе по заповедному делу (от Д. Соловьева до О. Гусева и С. Стойко). Дело в том, что один и тот же заповедный объект, как правило, **совмещает в себе** признаки самых разных категорий: он может быть в какой-то своей части эталоном природы, в другой представлять участки, нарушенные человеком, в третьей эти признаки как бы сливаются воедино... Оппоненты В.В. Дёжкина (К.П. Филонов и другие) не раз возражали ему из опасений, что всякая «перетряска» в наших условиях неизбежно ухудшает реальное положение дел («хотелось как лучше, получилось как всегда»), но это лишь одна сторона медали. Другая причина в том, что такого рода консерватизм более соответствует классическим понятиям о заповедности, тогда как стремление к различным усовершенствованиям, «упорядочению» и – особенно! – рациональному регулированию (управлению) природными комплексами в принципе враждебно подлинной охране природы. Здесь мы неизбежно переходим от прагматики материализма (которым от начала до конца проникнуты все работы уважаемого В. В. Дёжкина) к явному идеализму и духовно-поэтической сфере. До недавних пор превосходство первого подхода признавалось однозначно и полностью, но сейчас ситуация изменилась, свидетельством чему могут быть, например, выступления В. Борейко в защиту прав и свобод дикой природы самой по себе. Крайности всегда опасны, но нельзя отрицать значимость морально-нравственных основ российских постулатов заповедания природы, главным признаком которых является «великий и ужасный» **принцип неприкосновенности**.

²⁵ Охота и охотничье хозяйство. 2005. № 1. С. 12–14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.